КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XXXVII.

1892 г.

АПРѢЛЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1892.

АКТЫ

БОРИСПОЛЬСКАГО МѢЙСКАГО УРЯДА

1612—1699 гг.

1.

Борисполькій мѣщанинъ Стефанъ Рѣзникъ продаетъ мельницу со ставомъ въ д. Нестеровкѣ войту Павлу.

Anno 1612, januarij 15 die.

Przede mną Piotrem burmistrzem y przy zupełney ławie urzędu miesckiego Borispolskiego oczewisto stanowszy Stepan Rzeznik miesczanin Borispolsky dobrowolnie zeznał, yż on przedał młynek yz stawkiem, ktory nazywają Nesterowsky[1]). p. Pawłowy woitowy, za kop dwie y za groszy cztery litewskich, wiecznemi czasy.

2.

Грицько Федоровичъ проситъ назначить срокъ Власу для выкупа коня, принятаго имъ, какъ третьимъ лицомъ, въ обезпеченіе исправной уплаты Власу долга со стороны Ивана, Коломійцоваго свояка.

Anno Domini 1612, die 1 aprilis.

Na urzędzie przedemną Fedorem woytem Borispolskim y przy mnie będączemi Pawłem, Stepanem, Harasimem rayczami, stanowszy oczewisto Hriszko Fedorowicz y opowiadanie uczynił na opatrznego Jwana, Kołomiejczowego swoiaka, na tem, iż mu miał spłacic konia, ktorego szacowano u sthu groszach za dług od Ułasza; pozwany Jwan na żałobie iego długu swego własnego odstąpił, ktorego mienił bydz pułkopy groszy, y onego się konia wyrzekł; na czem Hriszka pa . . . . . tne założył, y prosił aby to zapi-

[1]) Нестеровка — деревня остерскаго у. черниговской губ. верстахъ въ 4-хъ отъ м. Борисполя.

sano przy teyże sprawie. Hryszko Fedorowicz prosił o złożenie roku ku odkupieniu tego konia Własowi, na czo urząd rok złożył od dnia dzisieyszego do tygodnia, u gdzie za tydzien nie okupi tego konia, tedy na wpad przepada u Hriszka, a Włas żadney trudnosci o tho mu zadawac nie ma czasy wiecznemi. Czo tho sobie Hriszko dał do xiąg zapisac, y iest zapisano.

3.

Бывшій войтъ Пашко жалуется на шинкаря Фартушнаго, который побилъ и выгналъ на улицу сына жалобщика съ женою, и на Матвѣя десятника, который самого Пашка ударилъ въ щеку.

Року 1614, месеца августа 11 дня.

1) Передо мною Конъдратомъ Сеновичомъ войтомъ Баришпольским, бурмистры и присежными, ставши очевисто Пашко, бывшій войтъ, на Данила Фартушного шинкара тыми словы: ижъ дей и сына моего з жоною и з иншими помочниками побили з двора и на улицу бъючи выгнали, што Пашко светками явне показав, Олексою, бывшимъ бурмистромъ; Олекса признав, же били, и до Стецка коваля Пашко ставив; Данило не схотев. Еднане приняли.

2) Тогожъ часу тотъ же Пашко жаловал на Матвея десятника, ижъ дей побивъ, до чого ся Матвей не знавъ; Пашко ставив светка Стецка коваля, на которого и Матвей призволивъ о полукопья грошей. Стецко ставши перед нами зознав, же дей Матвей Пашка ударив пястю у щоку. Еднане приняли.

4.

Кіевскій мѣщанинъ Грунь Ивановичъ продаетъ свою усадьбу за 12 копъ грошей литовскихъ пану Войтеху Зарѣцкому.

Року 1614, месеца августа 12 дня.

Передо мною Кондратом Сеновичомъ войтомъ Барышпольскимъ, бурмистры и присежными, ставшы очевисто Грунь Ивановичъ меща-

нин Киевский ку записованю до книг доброволное зознане учинив тыми словы: ижъ дей есми продав подварокъ свой власный, никому не пенный и ни в чом не заведенный, прозываемый Благутинский, пану Войтеху Зарецкому, за певную сумму пенезей, за двонадцатъ копъ грошей литовских, зо всимъ на все, с плацомъ з будованіемъ з огородомъ и што колвекъ естъ засевку у вогородѣ и зо всимъ на все, якъ ся сам в собе маетъ вечными часы, который подварокъ пану Зарецкому заразом поступилом в моц и в держане подав; в чомъ я самъ, жона моя и потомки наши, и жаден з близких приятел наших, пану Войтеху Зарецкому, малжонце его и потомком их, и хтожбы колвекъ тот подварокъ держав, жаднои перешкоды чинити не маем и моци мѣти не будемъ; а хтобы ся вступовати мев и якую перешкоду вышей помененым чинити мев, теды я Грушъ Ивановичъ выше помененый, жона моя и потомки наши в кождого права своим власным накладомъ под виною такъ сумы пенезей 12 копъ грошей шкодъ и накладовъ на вряд и сторону заступоват маем и повинни будем. О што просил пан Войтех Зарецкий, абы то было до книгъ записано—што есть записано.

5.

Мартинъ Тесля въ двухнедѣльный срокъ долженъ заплатить долгъ панiи Бабицкой.

Року 1614, месеца августа 19 дня.

Рок од дня сегоднешнего за недель две Мартинъ Тесля поспол з жоною своею маетъ заплатити две копе грошей литовских, кром накладу, панеи Бабицкой. Што про пaметь до книгъ естъ записано.

6.

Урядъ оставляетъ за Семеномъ Несыномъ ниву, которую оспаривалъ у него Левко Хромый.

Року 1614, месеца августа 20 дня.

Передо мною Конъдратомъ Сеновичомъ войтом Баришполъскимъ, Останомъ, Гринцемъ, Михайломъ бурмистрами, Демком, Да-

нилом присяжными, точилася справа Семену Несыну з Левком Хромым, о ниву у Груздова гумна, которую Семенъ Несын менует своею власною, а Левко также своею, и выоравшы Левко и просо посеяв, через заруку, которую ему Несын заручив, до скрынки местской грошей дванадцать, а на вряд замковый копою грошей; Левко о заруки недбаючи сеяв; Семен Несын показав то людми, же то его нива власная. До которой нивы, для лѣпшей ведомости, посылалисмо присежъного Данила, перед которым признав Лысаковский стадникъ, же тую ниву Семен Несын копав и чистив, а не хто инший, чого объмежъ той нивы сведомъ Семен Борсукъ, Иван Дробница и инших людей немало; которую ниву зоставилисмы при Семену Несыну, яко при его праци власной. Што про пам'ять до книгъ есть записано.

7.

Священникъ о. Стефанъ заявляетъ мѣйскому уряду, что пасынокъ его Панько, несмотря на предшествовавшія судебныя рѣшенія и приказанія подвоеводы, завладѣлъ его дворомъ и полемъ и не хочетъ допустить его до владѣнія собственнымъ его имуществомъ.

Року 1614, месеца сентебра 5 дня.

Постановившися передо мною Кондратом Сеновичом войтом Баришпольскимъ жаловав и оповедав господин отецъ Стефаний священникъ на Панка пасынка своего тыми словы: ижъ дей што есми мев право перед вм. о тую маетность кгвалтовне побраную за слушным показанемъ моим и переведенемъ права за сказанемъ декрету вм., штосте вм. мне наказали, яко мое власное при мне зоставили, што все на писме покажу; он того декрету вм. не принявшы, апелевав, абым до его милости нашого милостивого пана подвоеводего; я с тым декре(то)м вм., ездил есми до его милости пана подвоеводего и показалем его милости тие справы, што его милост, обачившы справы мои правныи, писати рачил до наместника своего пана Осташа, абых я при всем своем зостал, дом, пашню, поля и все што колвекъ моего есть, водлуг декрету наказали, абы мне поступил.

Нижлися и тому Панко пасынок мой спротивив, тоеи маетности моеи мне не поступив, и такъ отповедив: „Хоч горло дам, а не поступлю“. О то просив отецъ Стефаний свещеникъ, абы то было до книг записано—што есть записано.

2) Тот же господин отецъ Стефаний оповедавъ на тогож пасынка своего Панка тыми словы: ижъ дей есми ездив до его милости пана подвоеводего, тамже и Панко быв, и очевисто его милость Панку росказати рачив, абы ми двор мой, зо всею маетностъю вернув, и послати его милост рачив до наместника своего, пана Осташа, абы вернув; теды Панко, яко устному росказаню его милости пана подвоеводего, такъ теды и писаню спроти(ви)в, того двора моего и жадное речы не дав и не поступив. О што господинъ отец Стефаний просив нас, вряду, абы то было до книгъ записано—што ест записано.

8.

Кузьма жалуется на Демидиху за неотдачу овечки, приблудившейся къ ея стаду.

Року 1614-го, месеца сентебра 7 дня.

Передо мною Остапомъ Безбородком бурмистром на тот час на местцу новом будучим, Михайломъ бурмистром, Пархо(мо)мъ и давными присежными, жаловав и оповедав Кузма, на Демидиху, иж овечка моя прилучила ся до овечокъ ее; теды девки мои зпознавши овечку свою межи овечками еи, почали нять, а пастух еи дочкам моим тое овечки поймати не дав: „заплати теды мнѣ лядкиру, бо я вже тую овечку шест дней пасу“. И кгды перед нами став Демидишин зять Дмитро и с тым пастухомъ поведив тыми словы: „ижъ дей тая овечка не межи нашими овечками, але межи Тымошовыми Чоботаровыми, бо дей того Тимоша пастух в тоеж обличье, якъ и нашъ“. То есми правом до пятницы одложили, абы Дмитро того хлопъца поставив.

9.

Урядъ оставляетъ за Тишкомъ Хромымъ ниву, которую самоуправно выоралъ и засѣялъ Войтеховъ братъ Андрей.

Року 1614-го, месеца сентебра 12 дня.

Передо мною Кондратом Сеновичомъ войтом Барышпольскимъ, Остапом, Гринцемъ бурмистрами, Пархомом присежъным, ставшы очевисто Тишко Хромый поведив тими словы: „ижъ што дей есми мев спор о ниву свою власную з Андреемъ, Войтеховымъ братомъ, которую упорне поорав и посеяв“. Мы, вряд, наказали и тую ниву при Тишку зоставили, а Тишко маеть ему одорати его ниве, где ему укажеть, а до нивы Тишковы Войтехъ жадное потребы вечне мети не маеть. Што просивъ Тишко, абы то было до книгъ записано—што есть записано.

10.

Панъ Водвинскій жалуется на пана Ядловскаго за нанесеніе ранъ и грабежъ имущества.

Року 1615, месеца января . . .

Передо мною Иляшом Михаиловичом [1]), началником Баришпольским, а Богданом Сеневичом войтом Барышпольскимъ и при нас будучими, бурмистром, райцы и присяжными на местцу звыклым судовом засѣлими, жаловал урожоный Миколай Водвинский з Барышова [2]), на пана Себестияна Ядловскаго в тые слова: ижъ пан Ядловский, взявшы на себе гнев напротивко мене, за которым зелживости мене не поодноkрот потыкали, и шкод немало поносилом, такъже часу недавного, нанявъшы Яска Щербину козака, направил его дѣвку мою побити; который будучи направеный от пана Ядловъского, а маючи позволене яко од уряду, перенявшы на рѣку идучую Ерынку на улицы, а праве

[1]) Можетъ быть, это позднѣйшій (1637) переяславскій полковникъ Ильяшъ Караимовичъ.

[2]) Барышовъ, нынѣ Барышевка—мѣстечко переяславскаго у. полтавской губ. на берегу р. Трубежа. Въ княжеское время торкскій городокъ Баручъ.

против ворот пана Ядловскаго, окрутне и немилосерне киемъ збил, змордовал, при которомъ збитю и шкод немало почынил, которые готов буду часу права перед его мость паном подвоеводим, любъ тежъ перед его мость паном воеводою, нашим милостивым паном, наказать. Также я самъ, кгдыш ехав до Барышова для пилных потреб своих и кгдым приехав до дому своего, а чуючисе быт велом никому ни въ чом не винъным, былом безпечным, якъ панъ Ядловский не ведат в який способъ взявъшы на мене злый умыслъ, а не чынячи з мене справедливости, што быв винен, але забравшы немало челяди своей, Омеляна слугу своего, Семена Бубянистого а Семена возницу, Олешка мещанина, Стася Зарецкого, праве с понделку на второкъ направивъшы их, абы ме забили, наслав на дом мой, которие нашедшы моцно кгвалтом на дом мой, а заставшы мене, учствивши слуху вашмости, спячого в постели, окруте и немилосердне кийми побили и помордовали; а зоставивши на земли, в избе, на полумерлого, челяд розогнавшы, маетности з дому моего немало побрали и розшарпали, а меновите: пулгак [1]), коштовал десет золотых; ладовница, коштовала чотыри золотых; цѣпка, коштовала осмъ золотых; пояс китайчаный, купленый за мешокъ з грошми, а у ним было десят золотых; ножи, коштовали два золотых; пуяс оправный, коштовал чотыри золотых; хустъка вышита, куплена за два золотых; товалня шовком шыта, коштовала повтора золотыхъ; хустъка безю шита, коштовала повтора золотых; шликъ лисий, хваляндышом крытый, коштовал осмъ золотых; каптан бархановый, коштовал чотыри золотых; перстенков два сребреных, коштовали пултора золотих; листов записов на разные долги, которых . . . . съ тридцат, квитацыи пана Богуша Луцкевича, подстаростего Черкаского; рукавицы, коштовали золотый; на . . . . къ, коштовала дванадцат грошей; стрел з сагайдака взяли два десятки, купленые за два золотых; печат, коштовала золотый. А такъ мы, врадъ, выслухавъшы жалобы Миколая Водвинского, за прозбою оного, на огледане ранъ, придали вижа Пархома присяжного, который огледавши призналъ

[1]) Пулгак=лукъ для стрѣльбы.

ку записаню до книг, иж виделъ есми Миколая Водвинского на твари рана крывавая, на руце левой, вышей локътя рана крывавая, а на нозе левой, на голени рана крывавая, хрибет вес синий, кийми побитый. От которого бою и зраненя неведати, если жив будет. Што мы, уряд, выслухавъши жалобу пана Миколая Водвинского и вижово признане казалисми до книгъ месцъкихъ Барышъполских записат, що записано.

11.

Бывшій бурмистръ Олекса жалуется на Герасима за угрозу его побить.

Року 1615, месеца февраля 5 дня.

Передо мною Кондратомъ Сеновичомъ войтомъ Барышполским, Остапомъ, Гринцемъ бурмистрами постановивши(с) очевисто Олекса бывшый бурмистр жаловав и оповедав на Гарасыма тыми словы: „ижъ дей наважив на здорове мое и хотѣв мене бит, о чомъ есми и самъ не ведав у Шостака, як бы ажъ мя добрые люде остерегли, аж на завтрее мне сказали“. Якож Олекса заразомъ ставив Миска Товстобабию зятя, который ставшы перед нами поведивъ: „правда дей, панове, же Гарасим мовив на Олексу: небачный чловече, буду тебе бит, а Олекса о томъ не ведав и того не чув“. И еще Олекса ставив брата Гарасимова Андрушка Шостака и Терешка Сахненка и инших людей сторонних, с трох копъ грошей Гарасим не приставляв; тедысмы межи ними положили заруки на его милост пана подвоеводего по сту копъ грошей литовских, а до скрынки местской три коны грошей, еслибы Гарасимъ на Олексу отповедати мел сам через себе и через когос колвекъ. О што нас вряду просив Олекса, абы то было до книг записано и есть записано.

12.

Мисько Слуханъ явился на разборъ дѣла по обвиненію его Грицькомъ изъ Дударкова въ истребленіи собаки.

Року 1615, месеца февраля 5 дня.

Перед тым же врядомъ, Миско Слуханъ оповедавъ перед нами тыми словы: „што дей мене Грицко з Дударкова[1]) обвинив о пса, яко бых я мев где задѣть, и зложилисте нам ваша милость рокъ за недѣл две на ден сегоднешний; а иж его немаеш, прошу в. м., абы то было записано“. Мы вряд пилность Мискову казали записати и волным Мискав чинили; а Миску з Грицком право волное зоставили, што про паметь до книг есть записано.

13.

Иванъ, Трохимишынъ братъ, жалуется на Евхима Слесаря за нанесеніе ему побоевъ.

Року 1615, месеца февраля 13 дня.

Передо мною Кондратомъ Сеновичомъ войтомъ Барышполским, Гринцемъ, Михайломъ, Лавриномъ бурмистрами, Васком, Демком присяжными, ставшы очевисто Иванъ Трохимишин братъ жаловал и оповедал на Евхима слесара о збите и зранене, иж дей мене побив; до чого ся Евхим не знав. Теды Иван ставив довод до Федора Корогода; Федор Корогод поведил, жей я того не сведомъ, хто его бив, одно в мене будучы оповедавъ, и на другого здався, Ярмолу Мацишина; а ижъ Ярмола хворый, посылалисмы Демка присежъного, перед которым Ярмола поведивъ: я дей самъ там небыв, жона моя мне пришедшы казала: шла дей есми зъ Евхимом, и дав мне Евхим шапокъ две и ведро пива, послав мене наперед, и я дей зашла за пани Бабицкой двор, стала и чула есми крыкъ, же там

[1]) Дударковъ—село остерскаго у. черниговской губ.

когос на рынку перле колодкою. Мы, вряд, видечы довод водлуг права послушный, наказалисмы Ивану присегу на ранах на понеделокъ, а кгды присягнетъ, маеть его Евхимъ навезати. Што про паметь есть записано.

14.

Вишенцы забрали сѣно у Евсея Евлашенка, который косилъ его съ позволенія пана Сулимы.

Року 1615, месеца февраля 13 дня.

Передо мною Кондратомъ Сеновичомъ войтомъ Барышполскимъ, бурмистры и присежъными, ставшы очевисто Евсий Евлашенко бондар, яко на рокъ зложоный напротивко Вишенцов [1]) за одстинене (?) ю сено, чинил пилност од поранку ажъ до вечера и того ся вм. (до) водив писанемъ его мл. пана Сулиминымъ, же тое сено од пана Сулимы [2]) мелъ, которое Вишенци своим меновали; а иж на рок зложоный справедливости Вишенци не стали, на рокъ не прибыли, и жадной ведомости о собе не дали, мы его пилност видечы, од того волным вчинили, и до книг записать казали, што есть записано.

15.

Якимъ присяжный и Левко мѣщанинъ купили что-то (въ рукописи дыра) у Павла.

Року 1617, месеца апреля 12 дня.

Ставши очевисто перед нами судом мѣским, войтом, бурмистрами и присежными зознали тыми словы Якимъ присяжный и Левко

[1]) Вишенцы=жители с. Вишенокъ, нынѣ остерскаго у. черниговской губ. на берегу р. Днѣпра.

[2]) Панъ Сулима, судя по времени, къ которому относится актъ (1615 г.)—извѣстный запорожскій гетманъ Иванъ Михайловичъ Сулима, разоритель Кодака († 1635). Вѣроятно, Сулима получилъ земельный участокъ отъ Станислава Жолкевскаго († 1620), а не отъ Луки, какъ предполагаетъ Лазаревскій (Сулим. Арх., стр. V). Это подтверждается извѣстіемъ Мотыжинскаго Архива, стр. 112—113.

мѣщанин Барышпольский, иж у Павла купили за дви копи и за 10 грошей у мѣсти . . . . . Просили нас, жебы казали записат, що ест записано.

16.

Настя Васчиха, по первому мужу Антипиха, распредѣляетъ имущество, оставшееся послѣ Антипы, между собою и сыномъ отъ Антипы Омелькомъ,

Року тисеча шестсоть тридцать семого месеца марта шостого дня. Перед нами врядом меским барышпольским передо мною Семеном Сезченкомъ войтом на тот часъ будучимъ зъ бурмистрами и райцами одностайне заселыми въ ратушу Барышпольском. Приточилосе справа мещанина нашого Барышпольского Васка Хведоровича з жоною егож Настею, першого малженства Антипихою, то ест о речи спадковые позосталые по смерти небожчика Антипи першого мужа Настиного; теды оны становшы очевисто перед нами врядом меским Барышполским вышей меновaным вчынили роздѣлок вышей менованая Настя Васчиха а першого малженства Антипиха з сыном своим Омелком Антипенкомъ; которого то сына своего Омелка вышменованая Настя Васчиха зоставила въ дому отцевском, который зостал по смерти небожчика мужа моего першого Антипа; до которого дому и поле все, которое небожчикъ Антипъ працею своею розробил, мае спокойне сын мой Омелко ужывати и повинности панские оддавати, тилко помененный сын мой не мае жадное справы до того поля, которое я при собѣ и при теперешнемъ мужу своем Васку зоставую, то есть в кождой руцѣ по два днѣ, так теж и до внесеня моего, которое внесла до мужа своего Васка Хведоровича, то ест вола гнедорыжого и иншое убозство мое, которое працею своею набыла. По смерти моей не мае сын мой Омелко жадное справы до мужа моего Васка мѣти, и не мае ни през жадное право оного позывати вечными часы; тилко помененный сын мой мае вышменованные речы, то ест дом лежачый подле дому Грицка Ходорковского и подле дому Сезчыхи Медведыхи ис полем належачым до того двора,

мае спокойне уживати; волов тры, шкапу шерстю половую при нем же зоставую. Тилкож если лѣтъ доростуть дочки помененное Насти Васчыхи, которыя позоставали по смерти отца своего Антипа, мает Омелко сын Антипов оныхъ з маетности отцевской, которое позостало по смерти отца их Антипа, вывинити (дать вѣно), а болшей жадное справы нихто не мае мѣти, так помененный сын мой Омелко до мене и до мужа моего Васка, яко теж и я сама, Настя, з мужем своим не маемо одно до другого жадное справы мѣти. Што для лепшое вѣри и певности просили нас уряду вышей мено-ваного особы вышпомененные, абы та справа была до книг нинешныхъ мес-ких Барышполских записана. Што мы видечи реч слушную, ка-зали до книг меских Барышполскихъ приняти и записати — што ест принято и записано.

17.

Ходося Иваниха и Лаврынъ Дужченко продали свой дворъ Хведору Чабаненку.

Року тисеча шестсотъ тридцать семого месеца марта дня пет-надцатого.

Перед нами врядомъ меским Барышполским, передо мною Се-меном Сезченком войтом з бурмистрами и райцами одностайне засе-лыми в ратушу Барышполском постановившысе очевисто Ходося Ива-новая вдова и Лаврынъ Дужченко явне, ясне и доброволне ку за-писаню до книг нинешных мескихъ Барышполскихъ признали в тые слова: ижесмы, поведае, продали двур свой никому ни в чом не пен-ный и не заведеный, лежачий подле двора Ивана Панасенка на фол-варку за мѣстом, зовсим, з будованем, с пляцом, з огородомъ и з нивою одною, которая лежит подле футора кгродского, Хведорови Чабаненкови за полшосты копы грошей литовское личбы; до кото-рого дому не мае мѣти помененная Иваниха з братом своим Лавры-номъ, так тежъ и потомкове ихъ, жадное потребы вечными часы, тилко помененный Хведор мае оный двур вышменованый спокойне

ужывати, яко свой власный, и волно оному продати даровати и яко хотѣти тым домом оборочати вечными часы. Што для лепшое вѣри и певности дали собѣ обе стороне, абы тая справа была до книг нинешнихъ мескихъ Баришполскихъ записана—што естъ записано и принято.

18.

Семенъ Третякъ продалъ свой огородъ пану Денису Матушкевичу.

Року тисеча шестсотъ трыдцать семого м. марта деветнадцатого дня.

Перед нами урядом меским Барышполским, передо мною Яковом Терешковичом войтом на тот час будучимъ, а при мне будучыми бурмистрами и райцами одностайне заселыми в ратушу Барышполскомъ, постановившысе очевисто Семен Третякъ мещанин нашъ Барышполский ясне, явне и доброволне ку записаню до книг нинешныхъ мескихъ Барышполскихъ признал в тые слова: ижем, поведае, продал огород свой власный, никому, ни въ чом не пенный и не заведеный, лежачий подле двора Гаврыла Бондара и подле огорода Миска Крамара, пану Деонисови Матушкевичу за конъ тры грошей литовскихъ, вечными часы; до которого огорода не мае мѣти поменованный Семенъ Третякъ жадное потребы, ани он самъ, так тежъ и жона его и потомкове его, вечными часы; тилко поменованный Матушкевич мае оный огород спокойне уживати, и волно оному продати, даровати и яко хотѣти тым огородом оборочати, яко своим власным вечными часы. Што для лепшое вѣри и певности дали собе обе сторонѣ до книг мескихъ Барышполских записати—што ест записано и принято.

Протокулъ справъ судовыхъ поточныхъ мѣскихъ Барышпольскихъ за постановеніемъ Якова Терешковича войта.

19.

Грицько Щавій продалъ свой дворъ Мойсею Старцу.

Року тисеча шестсотъ трыдцать семого месеца марта трыдцатого дня.

На вряде меском Барышполском передо мною Яковом Терешковичем войтомъ з бурмистрами и райцами одностайне заселыми в

ратушу Барышполском постановившысе очевисто Грицко Щавий, ясне, явне и доброволне ку записаню до книгъ нинешныхъ мескихъ Барышполскихъ признал в тые слова: ижем, поведае, продал дом свой власный никому ни в чом не пенный и не заведеный лежачий подле двора Миска Белоуса и подле Луцка Дронницы, за полчварта копы литовское, Мойсееви Старцеви вечными часы и не мае мѣти вже жадное потребы до того двора помененный Грицко, ани он сам, так теж и жона и потомкове его вечными часы. Што для памети обу сторонѣ дали до книг мескихъ Барышполскихъ записати—што ест принято и записано.

20.

Игнатъ Сидоренко продалъ половину своей отчины зятю своему Кондрату Яценку.

Року 1637, месеца мая 6 дня.

Передо мною Яковомъ Терешковичомъ войтомъ Барышполскимъ и при мне будучих бурмистровъ одностайне лави зуполной, ставши очевисто Игнат Сидоренко, мещанин Баришполский, явне ясне и доброволне до книг нинешных меских Барышполских признал в тые слова: ижем, поведае, продал отчизну, половину в дому и в полю, за суму копъ осмъ личбы литовское, свою власную и ни в чомъ никому не пенную, лежачую подле Федка и Андрея Демченка, Кондратови Яценкови приятелеви своему и зятеви вѣчными часы; который то помененый Игнат Сидоренко не мает мѣти жадное потребы, ани теж жона его, ани потомъкове его; тилко помененый Кондрат Яценко повинен уживат у вышпомененой половици, якъ в дому, так теж и в полю; що для лепшое вери и певности обѣ сторонѣ дали собѣ до книг меских Барышполских записат, що ест записано.

21.

Вдова Иваниха Угладчиха отдаетъ комору въ уплату долга мѣйской скрынькѣ.

Року 1637, мая шестого дня.

Я, Яцко Терешкович, войтъ Барышполский, з бурмистрами при мне будучими на тот час, чиню ведомо тымъ моимъ записомъ, иж Иваниха Угладчиха вдова винна будучи до скринки меское грошей готовых полсемы копы личбы литовское, прето вышпомененая Иваниха Угладчиха перед нами врадомъ мескимъ зналас того долгу, ясне, явне и доброволне за помененый долгъ комору, лежачую подле Сапоновои, поручила на потребу мескую вѣчными часы, варуючи себе от ме(не)ного долгу. Просила нас, вряду, абы то было про паметъ записано, що ест и записано.

22.

Урядъ опредѣляетъ считать Яна Янчевскаго свободнымъ отъ обвиненія въ грабежѣ 10 талеровъ у Пуховскихъ козаковъ Савы и Герасима.

Anno 1637, die 7 mai.

Na urzędzie mieyskym Boryszpolskym przy bytnosci urodzonego jego mosci pana Jana Kucharskiego, starosty Boryszpolskiego y Baryszowskiego, przede mną Jakowem Tereszkowiczem woytom Boryszpolskym a przy mnie będącym Pawłu Hryszczenku, Jarmolie Zbolickiemu, Sidorowi Bezborodczenkowi, Omelianowi burmistrami y raycami, iednostaynie zasiadłymi na mieyscu zwykłym w ratuszu Boryszpolskom, stanąwszy oczewisto Sawa y Harasim obywatelie Puchowskie[1]), kozaky woyska jego kr. mosci zaporozkiego, y skarzali sie na Jana Janczewskiego obywatelia Boryszpolskiego sługę wielmożnego jego mosc pana podczaszego korąnego pana naszego miłosciwego. a to w te słowa: yż, powiada, panowie urzędowie, ten

[1]) Пуховка—селеніе остерскаго у. на р. Деснѣ.

pomieniony Jan Janczewsky przyiachawszy do nas na podpiłe ludzie siedzących u Icka żyda arędarza Baryszpolskiego, y nas bez dania żadney przyczyny. posiedziawszy z nami y od pasa gotowych peniędzy taliarow dziesienć bitych z chustą oberwał. Tedy my, urząd wyszmianowany, wysłuchawszy strony żałobliwey pomienionego Sawy kozaka zaporozkiego, ktory mianował przed nami żeby iemu szkoda stała, kazalichmy stronie obwinioney Janowi Janczewskiemu na odwod y żałowanie Sawy kozaka zaporoskiego stanąc; tedy on stanąwszy przed nami urzędem wyszmianowanym powiedział w tę słowa: yżem, powiada, panowie urzędowie ja o tych taliarach, ktore mianuie Sawa kozak obywatel Puchowsky s towaryszem swoim Harasimom kozakiem woyska zaporozkiego. żebym miał od nich wydzirać; tedy ia o tych taliarach nie wiem y nie widziałem ich y od nich nie wydzirał, y nie wiem tego ieżeli byli przy nich peniądze, abo niebyli. Tedy my, urząd wyszmianowany, wysłuchawszy oboch stron, tak stronie żałobliwey, iako y stronie odporney, schiliwszy się iednostaynie ku prawu pospolitemu, nakazalichmy urzędownie dekretem swoim, aby pomieniony Jan Janczewsky przysięgą sie odwiodł na tym, iako nieodrywał tych peniędzy od Sawy kozaka zaporozkiego y nie znał o nich y nie widział ych dnia wyszmianowanego y roku. A ysz pomienione osoby Sawa y Harasim obywatele Puchowskie kozaky woyska jego kr. mosci zaporozkiego na tę rok dla wysłuchania przysięgy Jana Janczewskiego nie stali y pilnować nie chcieli, a pomieniony Jan Janczewsky gotowość swoię do przysięgi uczynił y pilnował według prawa pospolitego do godziny nieszporney. Tedy my, urząd wyszmianowany, wydząc niewinność onego Jana Janczewskiego uczynilichmy wolnym od tey sprawy y niemaią iuż nigdy ni przed żadne prawo y urząd pomienione osoby Sawa y Harasim Jana Janczewskiego pozywac y o szkode swoie wyszmianowane nie maią się nigdy upominać wiecznemi czasy. Co dla lepszey wiary y pewnosci kazalichmy do xiąg mieyskych Boryszpolskych zapisac; co iest zapisano y przyięto.

23.

Миско Москаль продалъ свой огородъ Ивану Демиденку.

Року 1637, месеца мая деветнадцатого дня.

На вряде мескимъ Баришполскимъ передо мною Яковомъ Терешковичомъ войтомъ на тотчас будучимъ и при мнѣ будучими бурмистрами и райцами одностайне заселыми в ратушу Баришполскомъ, ставши очевисто Миско Москал признал в тые словы мовечи: ижомъ, поведае, продал огород свой власный, никому ни в чомъ не пенный и незаведеный, лежачий подле огорода Хомина, Ивану Демиденку, за певную суму злотых чотыри литовских, до которого огороды не мае мѣти помененый Миско жадное потребы, ани он самъ, ани теж жона его, ани потомъкове его, тилко помененый Иван Демиденко повинен ест оный огород спокойне уживат и волно ему оному продати даровати и як хотечи его обернути яко своимъ власнымъ вѣчними часы; што для лепшое вѣри и певности дали собе обѣ сторонѣ до книг нинешнихъ Баришполских записати, што и ест записано.

24.

Васко Яковенко продалъ свой огородъ Семену, зятю Ветливны.

Року 1637, месеца мая двадцатого дня.

Передо мною Яковом Терешковичом войтом Баришполским, а при мне будучим бурмистром и райцом одностайне заселыми на местцу звыклом в ратушу Баришполском ставши очевисто Васко Яковенко мещанинъ нашъ Барышполский ясне, явне и доброволне ку записаню до книг нинешнихъ мескихъ Барышполскихъ признал в тые слова: ижем, поведае, продал огород свой власный, никому ни в чом не пенный и не заведеный лежачий подле Супруна Медведенка и подле Яска Пасченка за пят копъ грошей личбы литовское Семенови Ветливное зятеви, вечными часы, отдаляючи самого

себе, жоны и потомковъ своихъ, вечными часы, што для лепшое вѣри и певности обѣ сторонѣ дали собѣ до книг местскихъ Барышполскихъ записати, што ест записано и принято.

25.

Иванъ Пустовойтенко продалъ свою ниву Ивану Окрайцовому внуку.

Року 1637, месеца мая двадцет третего дня.

Передо мною Яковомъ Терешковичомъ войтомъ Барышполским, и при мнѣ будучими бурмистрами одностайне заселыми на местцу звыкломъ в ратушу Барышполскимъ, ставши очевисто Иванъ Пустовойтенко мещанин нашъ Барышполский, ясне, явне и доброволне ку записаню до книг нинешних меских Барышполскихъ призналъ в тые слова: ижемъ, поведае, продал ниву свою власную никому ни в чом не пенную и не заведеную, лежачую подле Сидора и подле Левковои Шицкого, за певную суму грошей сто личбы литовское, Иванови Окрайцовому унукови, вечними часы, который то помененый Иванъ Пустовойтенко не мает мѣти жадное потребы, ани онъ самъ, ани жона его, ани потомъкове, тилко помененый Иван Окрайцовъ унукъ повинен ей уживат, и волно ему продати, даровати, як хотити оною ниву обернути; што для лепшои вери и певности обѣ сторонѣ дали собе до книг меских Барышполских записати, што ест записано, року и дня вышъменованого.

26.

Мѣщанка Иванiха Смолдыровна продала свою ниву Ивану Чорному.

Року тисеча шестсот тридцатъ семого месеца июня дванадцатого дня.

Передо мною Павлом Грышченком воитом Барышполским, на тот час будучим, а при мне будучими бурмистром и райцами одностайне заселыми в ратушу Баришполском, постановившысе очевисто

Иваниха Смолдыровна мещанка Барышполская ясне, явне и доброволне ку записаню до книг нинешних мескихъ Барышполскихъ признала ѣ тые слова: ижем, поведае, продала ниву свою власную никому ни в чом не пенную и незаведеную, лежачую подле нивы панее Карминское и подле нивы Кондрата Накалюжного, Иванови Черному за полчварта золотого вѣчными часы; што для лепшое вери и певности обѣ сторонѣ дали собѣ до книг нинешныхъ мескихъ Барышполских записати, што ест записано.

27.

Уляна Тимошыха продала свою ниву Сергѣю Прасолу.

Року тисеча шестсот трыдцать семого месеца июня семнадцатого дня. Перед нами судом меским Барышполским передо мною Павлом Грышченкомъ войтомъ на тот час будучымъ, а при мне будучыми бурмистрами и райцами одностайне заселыми в ратушу Барышполскомъ, постановившысе очевисто Уляна Тымошыха вдова мещанка Барышполская ясне, явне и доброволне ку записаню до книг нинешнихъ мескихъ Барышполскихъ признала в тые слова: иж, поведае, продала ниву свою власную, никому ни в чом не пенную и не заведеную, лежачую подле нивы Якова Терешковича и подле нивы Хвеневои на гостынцу [1]) Вышенском за полтретѣ копы грошей литовскихъ, Сергиеви Прасолови мещанинови Барышполскому вечными часы; до которое нивы я, Уляна Тимошыха, не маю мѣти жадное потребы, ани я сама, так теж и потомкове мои, тилко помененный Сергий Прасол мае тую ниву спокойне ужывати вечными часы, и волно оному продати тую ниву и даровати и яко хотѣти оборочати, яко своею власною; што для лепшое вѣры и певности просил нас уряду меского абы тое признане было до книг мескихъ Барышполскихъ записано. Теды мы уряд вышменованый видечы устное а очевистое признане Улянино Тимошынино, казали до книг меских Барышпольских записати, што ест записано и принято.

[1]) Гостынець—большая проѣзжая дорога.

28.

Уласъ Швецъ продалъ свою ниву Никону Рымарю.

Року тисеча шестсотъ трыдцать семого месеца июня двадцатого дня. Перед нами судом меским Барышполским, передо мною Павлом Грышченком войтом на тот час будучимъ а при мне будучими Сидорови Безбородченкови, Наумови, Омелянови Полуляхови бурмистрами и райцами одностайне заселыми в ратушу Барышполском, постановившысе очевисто мещанин наш Барышполский Улас Швец, ясне, явне и доброволне ку записаню до книгъ нинешнихъ меских Барышпольских признал в тые слова: ижем, поведае, продал ниву свою власную, никому ни въ чом не пенную и не заведеную, лежачую подле хутора Верны Сергеенка на врочыщу Ладыжене, Никонови Рымарови мещанинови Барышполскому за коп тры литовских вечными часы, оддаляючи самого себе, жоны и потомков своихъ; до которое нивы я, Улас Швец не маю мѣти жадное потребы, так теж и потомкове мои, тилко помененый Никон Рымар мае тую ниву спокойне уживати вечными часы и волно оному тую ниву продати, даровати и яко хотѣти оборочати, яко своею власною. А што для лепъшое вери и певности обѣ сторонѣ просили нас уряду вышменованого абы тое признане было до книгъ меских Барышполских записано; теды мы уряд видечы устное и доброволное признане Уласово Шевцово, казали до книгъ мескихъ Барышполскихъ приняти и записати, што ест записано.

29.

Хвеско Дицковиченко продалъ свой дворъ Роману Сергіевичу.

Року тисеча шестсотъ тридцатъ семого месеца июня двадцать шостого дня.

Перед нами врядом меским Барышполским, передо мною Павлом Грышченком войтомъ Барышполскимъ на тотчас будучимъ, а при мне будучыми Сыдорови Безбородченкови, Наумови Сергеевичу,

Омелянови бурмистрами и райцами одностайне заселыми в ратушу Барышполском, постановившисе очевисто Хвеско Дицковиченко мещанин Барышполский, ясне, явне и доброволне ку записаню до книг нинешнихъ меских Барышполскихъ признал тыми словы: ижем, поведае, продал двор свой власный, никому ни в чом не пенный и не заведеный, лежачий подле Корния Бураченка, за тры копы грошей литовскихъ Романови Сергеевичу мещанинови Барышполскому вечными часы. Што для лепшое вѣри и певности обѣ сторонѣ просили нас, уряду вышменованого, абы тое признане было до книг меских Барышполскихъ записано, што ест принято и записано.

30.

Панасъ Черняховецъ продалъ свою ниву сыну своему Ивану Панасенку.

Року 1637, месеца августа 4 дня.

Перед нами урядом меским Барышполским, передо мною Семеном Колодежным войтом з бурмистрами и райцами одностайне заселыми в ратушу Барышполском, постановившисе очевисто Панас Черняховецъ мещанин Барышпольский, ясне, явне и доброволне ку записаню до книг нинешнихъ меских Барышполскихъ признал в тые слова: Ижем, поведа, продал ниву свою власную, никому ни в чом не пенную и не заведеную, лежачую подле нивы Романовои Хижтя, и подле нивы Хведора Шевця, Иванови, сынови своему, за копъ чтиры грошей литовскихъ, оддаляючи самого себе и других потомковъ своихъ вѣчными часы, тилко помененый Иванъ Панасенко мае спокойне тую ниву уживати вѣчъными часы; што для лепшой вѣри и памяти обѣ сторонѣ дали собѣ до книг нинешнихъ меских Барышполскихъ записати. Што мы, уряд, видечи устное сознане помененного Панаса Черняховца, казали до книг меских Барышполских записати — што ест записано.

31.

Федоръ Хорошій отдаетъ часть имущества пасынку своему Марку.

Року 1638, месеца мая 3 дня.

Передо мною Яцутою войтомъ Барышполским, бурмистрами и присежными, зуполною лавою, ставши очевисто Федор Хорошій и с па(си)нком своим Марком, сознал доброволне перед нами врядом: иж што на моего пасинка отчизны его при мнѣ было, коли матку его брал, теды отдаю корову и вола, овец осмеро, поля на чтыри дни, грошей коп двѣ мает Федор отдати пасинкови; тогды все тот Марко пасинокъ его жадное потребы до отчима и матки свое(е) мѣти не мает и позывати до жадного права вѣчными часы под зарукою на ратуш коп три. О што просили обѣ сторонѣ, абы тая их доброволная угода была до книгъ записана, што ест записано.

32.

Остапъ Ковтунъ продалъ двѣ нивы Филону Ерченку.

Року 1638, месеца мая 3 дня.

Ставши очевисто Остап Ковтун зознал доброволне, иж продал нив двѣ своих власных, одна за Воробъевкою[1]) у островѣ, другая у Грицъкова футора Лихоносого, звороты на Логвинову тои нивки. О што просил Филон Ерчинко, абы тые нивы до книг записаны были, што ест записано, вѣчно мает уживати Филон Ерчинко, як свое власное, волно ему продати и даровати, што ест записано и принято.

33.

Криско продалъ свою ниву Митку.

Року 638, месеца мая 20 дня.

Ставши очевисто Криско перед нами врядом меским, войтомъ Яцутою и бурмистрами в ратушу, сознал доброволне, иж продал ниву свою

[1]) Воробьевка—маленькая рѣчонка, протекающая по полямъ д. Кучакова и с. Сулимовки и впадающая въ р. Трубежъ.

власную, никому не заведеную на селищи збоку Денисовои, Миткови за золотых три, отдаляючи отъ себе самого, жоны и потомков и приятелей своих вѣчными часы, волно Миткови уживати як свое власное. О што просил Митко абы то было до книг записано; што ест записано.

34.

Андрей Адаменко и Ясько Яковенко помѣнялись лошадьми.

Року 638, месяца июня 13 дня.

Ставши очевисто на врядѣ меском Барышполским (передо мною) войтом Яцутою и бурмистрами в ратушу, Анъдрѣй Адаменко з Нижина подданый велможного его милости пана гетмана Потоцкого полного, сознал доброволне, иж проминял клячу сивую свою власную волную и не краденую мещанинови нашому Барышполскому Яскови Яковенку, на коня бѣлого; при котором фримарку нашом были люди добрые мещане Яков Процик, Гарасименко для лепшое вѣры и памети. О што просили обѣ сторонѣ, абысми казали до книг записати, што ест записано и принято.

35.

Раздѣлъ имущества между Мискомъ Калужнымъ и Васкомъ Сестричомъ.

Року 638, июля 30 дня.

Перед нами врядом меским Яковом войтом и бурмистрами, Миско Калужный мѣл росправу с приятелем своим Васком Сестричом о отчизну его, которую до сего часу Миско держал з ним посполу лѣт 11, тепер суд наказал, абы Миско отдал клячу сивую, вола гнѣдого, корову с телям перистую, поле все, што его власная отчизна, при Ивану зоставает, свиней двое, свиню чорную и подсвинка; озимины и ярини, што засѣяно тепер, маст Миско Ивану всее пашнѣ четвертую част; кожух новый, чоботы, чукъма бѣлая,

обране новое суконное, сорочокъ 2, портокъ 2, сукна локот 8, сермяга ест при нем. О што просил Миско и Иванъ, абы тая доброволная угода их была до книг записана, же юж Иван Сестричич его жадное потребы мѣти до Миска не маст и позывати под виною на вряд коп 3 грошей до скринки, што ест записано вѣчными часы.

36.

Раздѣлъ имущества между Яковомъ Мулярченкомъ и Фескомъ Олейниченкомъ.

Року 638, месеца июля 30 дня и перед тым же врядомъ.

Ставши очевисто Яцко Мулярченко ис своим шурином Феском Олеиниченком погодилися межи собою с права, наказаного декретом правным, што Яцко держал отчизну его до лѣтъ, а тепер тот шурин его Феско осѣлъ на своей отчизнѣ; то ест, напервѣй отдал коней трое, коров чтыри, вола, свиней шестеро, гусей шестеро, за вола другого коп шест, грошей готових коп пят; комору переставити, шкуру вытяти; жупан синий, боты, панчохи, пояс шовковый и кушак, гаплы штучни, тимец жовтый, пугвици, колца; поле все, што одно отчизны его ест на всѣх руках, при Феску зоставаст; а засѣвок, што ему с права наказано, тилко тое маст забрати, а Яцко при своем зоставает, што ему належит, тогды тепер ведлуг росправы и угоди, Яцко мает ниву ему выискати, што продали на хлѣбъ, а Феско мает дати жита копы двѣ своего. Феско, шурин его, до Яцка жадное потребы и трудности не мает ему у жадного права вѣчными часы; а Яцко до них под зарукою на замокъ копъ десят, а до скринки копъ 3 заплатити каждый з них. О што просили обѣ сторонѣ, абы то было до книг записано, што ест записано для памети.

37.

Иванъ Лазебный продалъ свой огородъ Демку Бубличенку.

Anno domini 1638, Ibri dnia 25.

Przede mną Iacutą woytem Baryszpolskym y burmistrami zupełną ławą stanowszy oczewisto Iwan Lazebny zeznał dobrowolne, iż przedał ogrod swoy własny Demkowi Bubliczenkowi za złt. 3 wecznemi czasy, ma go używac y darowac. O co prosili obie stronie, aby to było zapisano, co iest zapisano dla pamięci.

38.

Цыгане вымѣняли лошадей намѣстнику пану Матушкевичу.

Anno domini 1638, die 28 Sbris.

Przede mną Jacutą woytem Bariszpolskim, urzędem miejskim, burmistrzami zobopolnie zasiadłymi w ratuszu, stanowszy oczewisto cyganie na imie Fesko Grydczyk, drugi Wasił Trykulenko y zeznali temi słowy, że sami frymarczyli dwoie koni, mianowicie konia siwego, bilmo na oku lewym j ucho lewe rozerzniono na wciąż, zywy stryke j w poltrosze, na klacze białą y gotowych złt. 5 przydatku; drugą kliacze bułaną, na oko liewe sliepą na kaftan kyndiakowy bawełniany, gotowych pienędzy złt. 6 j szablie, s panem Mikołaiem Matuszkiewiczem namiesnikiem na ten czas będącym; ktoresmy koni mieli: konia siwego od Iwana Wołoszyna z Dziewicy, kliacze — od Fedora Usa z Niżyna. Pry ktorym frymarku byli ludzie dobri wiary godni: Konraty Pawlęko j Anton Kysiel, Suprun Misiayło, Niczypor Hrynęko. Ktore onych cygand obrowolnie zeznanie iech do xiąg miejskich Baryszpolskich zapisali wiecznemi czasy, co iest zapisano.

[1]) Пунково—озеро на полѣхъ м. Борисполя.

39.

Сергѣй Москаль продалъ свою ниву около Пупкова озера Семену, зятю Свѣтличнаго.

Anno domini 1639. marta 12.

Przede mną Jacutą woytem y burmistrami, stanąwszy oczewisto Serhij Moskal, zeznał dobrowolnie, iż przedał niwe swoie własną na Pupkowie [1]) podle niwy o między z Nazarem na cztyry dni y s celyną, co iest iego własnego podle teyże niwy, wiecznemi czasy Semenowi zięciowi Swietliczny za złotych pięc, oddalaiąc sam od siebie, żony y potomkow swoich, ma uzywac iako swoią własną, przedac, darowac. O co prosili obie stronie, aby to było do ksiąg miejskich zapisano, co iest zapisano.

40.

Слабинiха мирится съ невѣсткой своей Карпихой относительно поля.

Anno domini 1639, marca 29.

Przedemną Jakowem woytem Baryszpolskjm j burmistrami zupełną ławą zasiadłymi, stała się ugoda Słabynisie jz niewistką jey Karpową Połaszczyną, a to o polie, ktore dano winym Słabynisie: naprzod iedne od Głębokiego [1]), zwrota iedne na Sakowe a druge na Fomine; druga na goscincu kyiowskim o miedzie nieboszczyka Paszka, trzecia za Worobiowym zworotami na niwe Andrzeiową Deniszękową, tedy ma to Słabynicha używac tych pol, iako swoich własnych, darowac, przedac j na swoich pożytkach mic. A na potym Słabynicha do tey swoiey niewistkj Karpowey żadney potrzeby niema mic wiecznemi czasy y do pol oney należących, by zamą, poszła, to y na potym ma byc wolna zewszystkim od Słabynichy. O co prosili obie stronie, aby ta ich dobrowolna ugoda była do

[1]) Глубокое—село переяславскаго у. рогозовской волости.

xiąg mieyskich zapisana, co iest zapisano dla pamięci. Ona sama potomky j powinne ni maią potrzeby pod zaręką kop dziesięc, ktoby znowu to prawo podniosł napotym.

41.

Пречистенскій священникъ Симеонъ продалъ свой домъ дьяку Александру Трохимовичу.

Anno domini 1639, aprilis 26.

Naurzędzie mieyskim Baryszpolskim przede mną Jakowem woytem, a przy mnie burmistrami zasiadłymi w ratuszu zupełną ławą stanowszy oczewisto ociec Semeon Przeczystensky zobopolnie przyznał do x(iąg) mieyskich w te słowa: iż, panie urzędzie, przedałem dom swoy własny nikomu nie zawiedziony j nie winny panu Alexandrowi Trochimowiczu diakowi swemu, tuż podle siebie, Waskowsky za kop 3 litewskich wieczniemi czasy, oddalaiąc od siebie y przyjacioł swych dalekich y blizkich, wolno mu przedac darowac y na swoy pozytek obracac. jako chcąc. O to prosili obie stronie, aby to było do x(iąg) zapisano, co iest zapisano.

42.

Васко Яковенко продалъ свою ниву Олешку Рубашному.

Anno domini 1639, may 15 dnia.

Przede mną urzędem mieyskim, to iest Jacutą woytem z burmistrzami, stanowszy oczewistą Wasko Jakowenko zeznał dobrowolnie, iż przedał niwe swoie własną nikomu nie zawiedzioną od Kyiowa na wyglądkach między niwamy, to iest z iedney strony Tomilękową a z drugiey strony Jarmakową, Oleszkowi Rubasznemu za złot 2, j gr. 20 polskich wieczniemi czasy, oddalaiąc od siebie żony j potomkow swych j przyiaciel, wolno onemu Oleszkowi używac, przedac, darowac, iako swoie własne. O co prosili obie stronie, aby to było do xiąg zapisano, co est zapisano dla pamięci wiecznie.

43.

Иванъ Семененко продалъ свою ниву Стефану Напрасннку.

Anno domini 1639, junij 15 dnia.

Przede mną Olieksiiem Hołubniczym nakaznym woytem, a przy mnie burmistrami zupełną ławą zasiadłymi w ratuszu, stanąwszy oczewisto Jwan Semenenko przyznał dobrowolnie, iż przedał niw dwie pod Głębokym, nikomu nie zawiedzione y nie winne Stepanowi Naprasnikowi za złt. 215 wiecznemi czasy, oddalaiąc od siebie samego, żony j potomkow j powinnych swoich; wolno Stefanowi używac, darowac, przedac, iako swoie własne. O co prosili obie stronie, aby to było do x(iąg) mieyskich zapisano dla pamiency.

44.

Демянъ Конылепко продалъ свою ниву Ваську Горбаню.

Anno domini 1639, junij 26.

Przede mną Olieksą nakaznym woytem a przy mnie burmistrami Naumem y Niczyporem Bukatą j zupełną ławą, stanowszy oszewisto Demiian Kopyłenko zeznał dobrowolnie, iż przedał niwe swoią własną leżącą za Worobiewką, między futorami Jarmolinym, podle niwy Hawryłkowy, Waskomi Horbanowi za złt 11, wiecznemi czasy, oddalaiąc od siebie samego, żony, potomkow j przyiacioł swych, wolno Waskowi Horbanowi przedac, iako swoie własne. O co prosili obie stronie, aby to było do x(iąg) mieyskich zapisano — co iest zapisano.

45.

Сергій продалъ свою ниву Илін Прасолу.

Anno domini 1639, lipca 12 dnia.

Przede mną Olieksiiem nakaznym woytem Baryszpolskim y burmistrami zasiadłymi zupełną ławą, stanąwszy oczewisto Serhy ze-

znał dobrowolnie, (iż przedał) niwe swoie własną, nikomu nie zawiedzioną, za Niesterowką, pod futorem Nesynowym Illiy Prasołowi za złt 5. oddalaiąc od siebie samego, potomkow swoich, żony y przyiacioł, ktoby się miał odezwać, żadney potrzeby do niego miec nie będą wiecznemi czasy, wolno mu używac, przedac, darowac, iako swoie własną. O co prosili obie stronie, aby to było onego zeznanie do ksiąg mieyskych zāpisano, co iest zapisano dla pamięci y co iest przyięto.

46.

Ворончыха продала свою ниву Костюченку.

Anno domini 1639, wrzesnia 20.

Przede mną Jacutą Tereszkowiczem wojtem a przy mnie burmistrem Nawumem j Olieksiiem Hołubniczym w ratuszu, stanowszy ocze(wi)sto Iwanowa Woronczycha przyznała dobrowolnie ku zapisowaniu do x(iąg) mieyskich: iż, panie woycie, przedałam niwe swoie własną, nikomu nie zawiedzioną, podle panske(go) łanu od stawku Zołcowa, Semenowi Kosciuszenkowi za złt. 15 wiecznemi czasy, do ktory niwy nikt nie może mic potrzeby żadny s powinnych moich, bliskich j dalekich. O co prosili obie stronie, aby to było do x(iąg) zapisano—co iest zapisano.

47.

Раздѣлъ имуществъ между Луцкомъ Старымъ и его невѣсткой.

Anno domini 1639, 8 bris 30 dnia.

Przed nami urzędem mieyskim w ratuszu, przedemną Jakowem woytem j burmistrami, stanowszy oczewisto obie stronie, to iest Łucko Stary z swoią niewistką, bywszego syna swego Wasilia po smierci pozostałych potomkow jz żoną, uczynili miedzy sobą ugode, aby napotym mieli żaden z nich prawnego pociągu tak przy blizkich jako y dalekych w tym rozdzielie, naprzod Łuckowi wołow

dwa, owiec 7, swinij dwoie, zbożia krobka 6 wszystkiego, zasiwek kopa 6. dwor w miescie, polia dni 9 na trzy ręce, to mu wolno darowac, przedac j w swoy pożytek obrocic. a ogrodu połowica do używania, a przedac nikomu jnszemu tego ogroda tylko dzieciom niebożczyka syna Wasylia. O co prosili urzędu obie stronie, aby ta ich ugoda była do x(iąg) mieyskich zapisana, co iest zapisano. A napotym aby żadnych turbacyi miedzy sobą nie mieli, pod winą urzędową kop 10 wiecznemi czasy.

48.

Раздѣлъ имущества между зятьями Коленка и его пасынкомъ.

Anno Dei 1640, anuarij 19.

Stanąwszy oczewisto na urzędzie mieyskim Baryszpolskim przedemną Hawryłem nakaznym woytem j burmistrami supełną ławą, Bohdan zięc Kolinkow j Kuzma drugi zięc tegoż, Iwan pasynek niebożczyka Kolinka zeznali dobrowolnie, iż sie stała między nimi ugoda po smierci jégo, co komu przychodziło, tedy żona niebożczyka Kolinka is synem swoim Iwanem pooddawali, co na nich przychodziło Bohdanowi owiec czworo, Kuzmie pięcioro, niwa Kuzmie na połrozrobek, co iuż Bohdan y Kuzma zięcowie y żony ich, tak j dzieci j powinni krewni żadny potrzeby nie będą miec mogli j do prawa żadnego pozywac wiecznemi czasy do żony Kolinka niebożczyka j do syna iey Iwana, pod zaręką kop trzech, ktory by z nich miał onych turbowac. O co prosili obie stronie, aby ich ta ugoda była dobrowolnie do x(iąg) mieyskich zapisana, co iest zapisano.

49.

Раздѣлъ имущества между второбрачной женой Ярмолы Евфимiей и пасынкомъ ея Герасимомъ.

Anno d(ei) 1640, marta 12 dnia.

Przed nami urzędem zamkowym j mieyskym a mianowicie przed panem Mikołaiem Matuszkiewiczem namiesnikiem na tenczas Ba-

ryszpołskim od jego mości pana Jana Kucharskiego starosty Baryszpolskiego, woytem Jacutą Tereszkowiczem woytem Baryszpołskym j burmistrami zesłanemi do domu nieboszczyka Jarmoły dlia rozdziału maiętnosci pozostałej po niem iż synem jego Harasymem a pasynkem jego j żony, tamże stałasię ugoda y rozdział po dobry woli według testamentu niebożczykowskiego, żonie moiey Iewchymce Iarmolyncy wołow 4, korow dwie, owiec dziesięcioro, konj troie, zbożia, co u gumnie żyta stogow dwa, owsa stog ieden; a co na zime zasiwek iest, to maią zebrawszy po połowicy podzielic maią; j polia co iest męża iey pierwszego rozrobku, przy nij ma zostac, aż do smierci, iako swego własnego, wolno iey przedac darowac komu iey dobra wolia, do ktorego polia syn iego Harasym, ani opiekun jego Iewdak żadny mocy j pozywac o to niema wiecznemi czasy. A co się tyczy domu, w ktorym mieszkac ma żona iego Iarmolina do smierci, ogrodow j sadu, ma używac; a po smierci ma tę dom zostac przy synu jego Harasymu, jako przy oyczyczu, niewolno iey przedac. A co iesliby syn niebożczykowsky Harasym, tak y opiekun jego Iewdak miał oney Jarmołynie iake trudnosci czynic albo sromocic j na dom nachodzic, tedy z nich oboch ktoryby się tego ważył zaręky kop dwadziescia ma zapłacic na pana woiewodę, a na pana woyta kop 3. O co prosila Jarmolina urzędu zamkowego j miejskiego, aby ta ich dobrowolna ugoda byla do x(iąg) mejskich była zapisana, co iest zapisano j przyięto wiecznemi czasy.

50.

Второй раздѣлъ имущества между второбрачной женой Ярмолы и ея пасынкомъ.

Anno d(ei) 1640, marca 12 dnia.

Przed nami urzędem zamkowym j meyskim, a mianowicie przed panem Mikołaiem Matuszkewiczem namiesnikiem Baryszpołskym od jego mosci pana Jana Kucharskiego starosty Baryszpołskiego j Baryszewskiego starosty j woytem Jacutą Tereszkowiczem Barysz-

połskim j burmistrami zesłanemi do domu niebożczyka Jarmoły, dla rozdziału maiętnosci pozostałey po niem, j z maczochą swą a pasynkem iey Harasymem, synem niebożczyka Jarmoły, i tamże stała się ugoda dobrowolna z obustron według testamentu niebożczykowskiego, naprzod synowi memu Harasymu klacza iz łoszakiem wrona j łoszak, wołow 4, krow dwie, mołodykow dwa, ozymkow dwa y byczek trzeci, owiec dziesięcioro, żyta stogow dwa a owsa stog, a zasiwek na zimie po połowicy jz maczochą maią podzielic; a co iest pola oyca iego rozrobku to synowi memu, a ij polie przy niey ma zostac; a gdy wynidzie z opieki od swego strzyia Iewdaka co z nim pobrał do siebie z reiestru, jako opiekun oddac od mała y do wielia, towar y owce, fanty y co wymłoci zbożie, co zostanie. okrom tego, iesliby zwir j ziadł, albo zdechło, o co prosili, aby to było do x(iąg) zapisano wiecznemi czasy, dom ze wszystkjm posmierci maczochy iego Jarmoliney jako się ma z grodem iz sadem j co iest do niego ma przy tym zostac iako oyczyczu własnym, a maczocha jego Jarmolina żadney sprawy do swego pasynka y do Iewdaka nie miec j pozywac do żadnego prawa, ani się sromocic pod zaręką kop 20 lit. na pana woiewode. Co iest zapisano wiecznemi czasy, co iest zapisano.

51.

Раздѣлъ имущества между второбрачной женой Ивана Туцкаго Федорой и пасынкомъ ея Радькомъ.

1640, месеца марца 20 дня.

Перед нами врядом мѣским, передо мною Яцутою Терешковичом войтом Барышполским и бурмистрами зополною лавою в ратушу засѣлыми, ставши очевисто жона небожчика Ивана Туцъкого, Федора ис па(сы)нком своим Радком, сыном Туцкого мужа ее, сами доброволне признали ку запису до книг в тые слова: иж мы, пане вряде, погодилисмо ся з (о)бох рукъ межи собою, што ся зостало убозства по небожчику мужу моем Ивану; наперед мнѣ, жонѣ его

зосталося, кляча и вол, бычок тритяк, овец двое, свиней двое, поля половицу, сад, ведлуг шацунку людей добрых Ярмака и Степана, которые нас погодили з обох рукъ поприятелску; сплатил минѣ пасинокъ Радко пол осма копы грошей литовских, а Радкови сынови его, а пасынку моему зосталося конь и вол, овецъ двое, свиня одна, поля половица. И признаваемо обоя сторона же юж я сама, анѣ приятели мои жадний близкий и далекий до того Радка пасинка своего жадное потребы вѣчными часы не буду мѣти и позывати до жадного права, такъже и пасинок мой жадное справы до мене не мает мѣти, такъже и позывати под зарукою на вряд з обох сторонъ три копы грошей мает заплатити. Якож и просили обѣ сторонѣ, абы тая их угода была до книг записа(на), што ест записано вѣчными часы.

52.

Надѣленіе имуществомъ пріемыша Игната.

Anno D(ei) 1640. decembra dnia 12.

Przed nami urzędem miejskym stanąwszy oczewisto, Werną woytem y burmistrami Baryszpolskiemi na imie Kyryk Andryszkowicz jz Ihnatem, ktory był u nich od zrostu lat zmała, tedy co na tego Ihnata przychodziło od matki moiey przez te lata dosyc onemu się stało, napirwy owiec pięcoro, swiny dwoie, znowu podswinka, woła, pszenicy połmirky, żyta połtory osmaczky, żyta kop dwie, prosa połosmaczky, hreczky połosmaczky, owsa miech nabrał na nasienie niewim co było. A tedy teraz ten Ihnat po tym rozdziele z Kyrykiem żadnego prawa Ihnat niema popirac ani go pozywac wiecznemi czasy; że sie onemu dosyc stało pod zaręką kop 3 na zamek, a na woyta kopa, iesliby Ihnat miał turbowac Kyryka. O co prosili obie stronie aby to było, to ich dobrowolne zeznanie do x(iąg) zapisano, co iest zapisano wiecznie.

53.

Борисполськiй мѣщанинъ Гаврило Рудый продалъ хуторъ Алексѣю, зятю Збуца.

Anno D(ei) 1641, 10 brys 17.

Przedemną Werną woytem j burmistrami w ratuszu, stanąwszy oczewisto Hawryło Rudy mieszczanin nasz Baryszpolsky zeznał dobrowołnie; iż przedał dom swoy własny na futore podlie Lewczychy Krywoy Oleksiowi zięciowi Zbucowemu za kop trzy lytewskjch wiecznemi czasy, oddalaiąc od siebie samego y potomkow swych y przyiacioł wiecznemi czasy. O co prosili obie stronie, aby to było do x(iąg) zapisano j przyięto.

54.

Выдѣлъ имущества свекровью вдовѣ сына Ульянѣ Кульбаченковой

Die 24 maij, anno 1642.

Stawszy oczewisto Uliana Kulbaczenka iasnie, iawnie y dobrowolnie ku zapisaniu do xiąg ninieyszych zeznała tymi słowy, że po smierci niebożczyka męża swego na imie Demiana Nesenenka wzięła od matki iego klaczę wroną z łoszem, wołow dwa gniadego y siadego, krowę gniadą z cielem y nazemka letoszniego, owiec pięcioro, swiny dwoie, paszni wszelakiey młocony y niemłocony trzecią część, pola do wzrostu dzieci trzeciąż część, co ony Ulianie Kulbaczance od matki niebożczykowskiey we wszystkiem dosyc sie stało, do ktory wiecznymi czasy sama ona y żaden z powinnych iey sprawy miec nie maią y nie będą powinni. Co dla lepszey wiary do xiąg iest zapisano.

55.

Постановленіе о пыткѣ вора Сергѣя Ивановича, укравшаго разныя вещи у Евсѣя Даниленка и Павла Хромаго.

Die 8 augusti, anno 1643.

Przedemną Mikołajem Matiszkiewicem na ten czas będącym namiesnikiem Baryspolskim od iego mosci pana **Bartłomieia Iarun-**

towskiego, starosty Baryspolskiego y Bariszowskiego, y przy mnie siedzącym woytu Wernie Serhieienke z burmistrami jednostaynie zasiadłymi Iwanie Szulżenku, Tereszku Krokuszenku, Pawłu Hryszczenku, Misku Kramarcu y Wasku Bezborodku, w ratuszu Bariszpolskim stawszy oczewisto Iewsiey Danilenko uskarżał się y żałosne czynił opowiadanie na Serhieia Iwanowicza tymi słowy: że, panie urzędzie, czasu niedawnego mianowicie we czwartek, bylismy na żniwach, gdzie ten Serhiey ulaszy w chiże z bodni ukradl płacht cztyry, płotna lnianego łokci dwadziescia lantuch y wor; także y Paweł Chromy na tegoż sie Serhieia uskarżał, że on ukradł płacht dwie y zwoiew dwa płotna, pas y swite ktory stawszy sam dobrowolnie, nim na questią był dany, przyznał, że onego to iest sprawą y do tychże rzeczy przyznał. My tedy urząd wysłuchawszy obudwu stron tak powodowey, iako y obwinioney a zabiegaiąc większemu swawolenstwu y złosci iczyneniu, przychilaiąc sie do prawa pospolitego surowo artikułem na takich opisanego tymi słowy: „Iawne złodzieystwo, gdy złodziei na złodzieystwie, albo na onym mieystcu, gdzie kradł, będzie poimany w domu, w ogrodzie albo w winicy etc.; taiemne, gdy zlodzieia nie poimaią na złodzieystwie, ani na onym mieystcu gdzie kradł, ale gdy rzecz kradzioną tai, albo gdy za czyią radą y pomocą złodzieystwo sie stało". Iawne złodzieie wedle prawa cessarskiego bywaią karani nagrodzeniem rzeczy ukradzionych czworako, taiemni-dwoiako, a iesliby nie miał czym nagrodzic, tedy go zaprzedawano; ałe wedle prawa saskiego maideburskiego złodziey ma byc ob(w)ieszon. Nakazalismy tedy ninieyszym decretem naszym, żeby był na questią wzięty, do lepszego sie znania owych rzeczy; a potym żeby według zasługi zapłatę odniosł.

56.

Палажка Гордѣева Заченшха отдаетъ свой домъ Ивану Чорнышу за долгъ въ 19 злотыхъ.

Die 18 januarii, anno 1644.

Pałażka Hordieiewa, żona Zaczepina, będąc chorą przyznała, że Iwanowi Czarnyszewi za dwie czetwertinie winna złotych dzie-

więtnascie, w ktorym długu dom swoy ze wszystkim Czarnyszewi podaie wiecznymi czasy, oddalaiąc samą siebie, męża, potomkow powinnych y pokrewnych swoich, tylko pomieniony Czornysz ma używac y wolno mu dac, darowac, przedac y iako chciec obracac, iako swoie własne. Przyczym był Iwan Szulżenko, Paweł Hriszczenko, Misko Piasoczynsky.

57.

Прожейчиха продала двѣ нивы Павлу, зятю Оксамитнаго.

Die 23 junii, anno 1644.

Stawszy oczewisto Kondraticha Prożeiczycha jasnie, jawnie y dobrowolnie ku zapisaniu do xiąg ninieyszych zeznała tymi słowy: że przedała niw dwie swoich własnych nikomu, ni w czym, nie pennych y nie zawiedzionych, leżącą podla niwy Szyckiego a drugą podla niwy Iwano(wy) Przyimy, Pawłowi Oxamitowemu zięciu za złt połiedynasta wiecznymi czasy, oddalaiąc samą siebie, potomkow y pokrewnych swoich, tylko pomieniony Paweł ma używac y wolno mu dac, darowac, przedac y iako chciec obracac, iako swymi wlasnymi.

58.

Панъ Спльвестръ Высоцкій продалъ свою клуню священнику Никольской церкви Корнилію.

Року 1644, месеца октября дня 4.

На врадѣ нашем мѣскомъ в ратушу Барышпольском, передомною Харкомъ Курандою, войтом Барышполским, и при мнѣ заедно засѣлими буръмистрами Мыскомъ Ходорковъскимъ и Савъкою Захарченъкомъ и Грыцъкомъ Малышенъкомъ, Иваном Тимошенъкомъ, становшы очевисто на врядѣ панъ Селывейстеръ Высоцкій, ижъ продалъ клуню свою отцу Корнилию священику Никольскому на

вѣчност за золотих десятъ; тоди обидвѣ особы просилы нас уряду нашего абы то было для лѣпшое вѣри записано до книгъ мѣских, що теж ест записано року и дня вышменованого.

59.

Священникъ Корнилій продалъ свой дворъ съ огородомъ пану Яцку Терещенку.

Року 1644, месеца октобра дня 4.

На врядѣ нашем мѣйском в ратушу Баришполском передо мною Харкомъ Куранъдою вуйтомъ Баришполскимъ и при мнѣ засѣлими бурмистрами Миском Ходорковъским, и Савъкою Захаръченкомъ, и Грицкомъ Малишенком, и Иваномъ Тимошенъком, становъше очевисто на врадѣ нашем отецъ Корнилий священикъ святаго отца Миколая, ижъ продал двуръ свой з огородомъ об межу Пархома и об межу резника Никити, за копъ дванадцат лѣчъбы литовъской пану Яцку Терешченъку на вѣчност ему и жонѣ его и потомкомъ. Теды просили нас уряду нашего абы то было записано до книг мѣскихъ, що теды записано року и дня вышменованого.

60.

Цехмистръ рѣзницкій Игнатъ жалуется на свата своего Якима Никоненка за то, что послѣдній переманилъ его сына, а своего зятя къ себѣ на жительство.

Року 1644, месеца октобра дня 23.

На врадѣ мѣйском в ратушу Барышполском передо мною Харкомъ Куранъдою вуйтомъ Баришполским и при мнѣ заедно засѣлыми буръмистрами Савъкою Захарченъкомъ и Мыскомъ Ходорковъскимъ и Грицъкомъ Малышенком, становши очевисто панъ Игнатъ, цехмистръ резницкий, прекладал скаргу пред нами на свата своего Якима Никоненка в той материи, же тот помененый Ныконенко сына

вышменованого цехмистра отмовил былъ на мешкане до себе без вѣдомости отцевъскои, о чомъ была мова о всѣмъ томъ на врадѣ нашом. Теды помененый Игнат просил нас уряду нашего, абы була зарука заложена межи нимъ и сином его, абы не мешкалъ у тестя помененый сынъ Игнатынъ, що еслибы ся важилы а его на мешканя мѣлы бы приняты, закладаем на ных вини на пана полковъника золотыхъ сто а до ратуша копъ десят. Дѣялося въ ратушу року и дня вышменованого.

61.

Приговоръ по жалобѣ Гаврила Глищенка изъ Иванькова на Процика Шващенка за кражу 6-ти овецъ изъ хлѣва.

Die 25 februarij, anno 1645.

Przedemną Nikiforem Bukatą na tenczas będącym namiesnikiem Baryszpolskim od jego mosci pana **Bartłomieia Iaruntowskiego**, starosty Baryszpolskiego y Bariszowskiego, y przymnie siedzącym wrzędu mieyskim Jacute Tereszkowiczu z burmistrami w ratuszu Bariszpolskim iednostaynie zasiadłymi z Steckiem cieslą, Waskem Beliłowcem, Fedorom piwowarem, Hrickiem Linnikiem, Sidorem Bezborodkiem, Pawłem Mołoczaiem y Stefanem Homonem, postanowiwszy sie oczewisto, Hawryło Gliszenko z Iwankowa[1]) uskarżał sie y żałosne czynił opowiadanie na Procika Szwaczczenka tymi słowy: że, panie urzędzie, tij iesieni przeszłey poiechałem do Hłybokiego na wesele do Hołubniczego, ten Procik Szwaczczenko przepomniawszy boiazni Bożey y niemiłosierdny sąd iego, smiał y ważył sie z obory moiey owiec szescioro ukrasć. Kazalismy tedy onemu wyszrzeczonemu Procikowi przed urząd nasz stanąc, ktory oblicznie dobrowolnie sam pryznał tymi słowy: ze panie wrzędzie, wstałem poranu y chciałem iechac do Woronkowa dla kupienia kadłuba na kapuste, obacze w swym domu szescioro owiec, ktore zaiąwszy odegnałem do Wornkowa y przedałem rzeznikowi, nie wiem na imie

[1]) Иваньковъ—селеніе переяслав у. бориспольской вол.

iak go zwano za złotych osm. Gdy tedy urząd wysłuchawszy obudwuch stron, tak powodowey, iako y obwinioney, a dobrze to w siebie uważywszy zabiegaiąc, aby się taka złosc nie mnożyła y nie szyrzyła, przychilaiąc do prawa pospolitego artykułem surowo na takich opisanego temi słowy: „złodzieystwo iest dwoiakie: jawne y taiemne; iawne, gdy złodziey na złodziestwie, albo na onym mieystcu gdzie kradł, będzie poimany w domu, w ogrodzie albo w winicy etc,; taiemne. gdy złodzieia nie poimaią na złodzieystwie, ani na onym miestcu gdzie kradł, ale gdy rzecz kradzioną tai albo za czyią radą y pomocą złodzieystwo sie stało"; iawni zlodzieie wedle prawa cesarskiego bywaią karani nagrodzeniem rzeczy ukradzioney czworako, taiemni—dwoiako, tez wedle prawa Bożego w starym zakonie nagrodzeniem rzeczy kradzioney dwoiako, pięciorako y siedmiorako. A iesliby niemiał czym nagrodzic, tedy go zaprzedawano. Ale wedle prawa saskiego maydeborskiego złodziey ma byc ob(w)ieszon. Nakazalismy tedy ninieyszym dekretem naszym żeby według zasługi swey, zapłatę odniosł.

62.

Приговоръ надъ Иваномъ Шепелемъ за кражу разныхъ вещей изъ коморы Миска Курилепка.

Die 18 decembris, anno 1645.

Przytoczyłasię sprawa w miescie Baryszpolu o wykradzenie komory w miescie Miskowy Kurylenkowy, gdzie czyniąc kweres y szukanie tych pokradzionych rzeczy, znalezli u Iwana Szepela skury barannie, s ktorych słusznego dowodu żadnego nie dał y siedząc w więzieniu przefałki na gromade czynił paleniem domow y inszymi rożnymi przefałkami; a tak siła szkod gromadzie. Dla czego za(po)biegaiąc gromada takiemu swawolenstwu szkod czynieniu, y Bogu brzydkiemu uczynkowi, nakazali dekretem, żeby ten Iwan Szepel był na questią wzięty, a potym ażeby zapłatę według zasługi odniosł, ponieważ iuż do kilka razy przeswiedczony.

63.

Яцко, Демковъ братъ, заявляетъ, что онъ получилъ обратно приданое, данное за дочерью Приською при выходѣ ея въ замужество за умершаго Хальченка.

Die 20 maij, anno 1647.

Stawszy oczewisto Iacko, Demkow brat, jasnie, jawnie y dobrowolnie ku zapisania do xiąg ninieyszych zeznał tymi słowy, że co był dał córce swoiey Prośce za syna Chalkowa, tedy znowu to nazad odebrał od bratow niebożczyka Iowa Chalczenka, to iest krowę z nazimkiem y woła, owiec szescioro, swiny dwoie, ktorych wiecznymi czasy wolnymi czyni, nie zostawuiąc żadnego prawa sobie y pokrewnym swoim; co dla lepszey pamięci iest do xiąg zapisano.

64.

Тимошъ Саченко продалъ свою ниву Ивашку Товстолону.

Die 8 julij, annn 1648.

Stawszy oczewisto Timosz Saczenko iasnie, iawnie y dobrowolnie ku zapisaniu do xiąg ninieyszych zeznał tymi słowy: żem, powiada, przedał niwę własną, nikomu niczym nie penną y nie zawiedzioną, leżącą podla niwy Artema Durnieja, Iwaszkowi Towstołopowi za złotych dziewiec y groszy połosma wiecznymi czasy, ma używac ten Iwaszko, wolno mu ią dac komu chciec, predac y gdzie-kolwiek obrocic, iako swoią. Co dla lepszey pamięci iest do xiąg ratusza Bariszpolskiego zapisano.

65.

Петръ, Сухваловъ зять, продалъ дворъ и поле Ивану Колаченку.

Roku 1649, miesiąca marta 30 dnia.

Stawszy oczewisto Piotr Suchwalow ziat' przede mną Awierkiem Wierną woytem Baryszpolskim y burmistry Hryckom Linnikom y Ias-

iem y Daniłom Statczenkom, na ymie **Antonem Harasimenkiem** sotnikom woyska iego korol mci zaporozkiego yz towaristwom swym [1]), yżem przedałem dwor ze wsim budynkiem ys polem, na ulicy Hrytkowey, z odnoy storony stoiaczy Sidora Szyszęka y Kukała Iwana, z drugiey strony stoiaczy na ymie Iwan Kołaczenko; pomieniony ten dwor Piotra Suchwałowa ziatia za kop 5 liczby litowskiey wiecznemi czasy, nikt do tego dwora niema przystempu, okrom tego Iwana Kołaczęka; a ieżeliby w kogo pola więcey tego Piotra poczuł, to y toie pole Iwanu ma byc, y nikto niema turbowac; ktorego dworu y pola zeznałem y zapisałem do xiąg mieskich tuteyszych Baryszpolskich.

66.

Яцько Горбань продалъ свой домъ мѣщанину Сидору Москаленку.

Roku 1650, miesiąca marca 30 dnia.

Przed nami urzędem mieskim Baryszpolskim, przedo mnoiu Ioskom Andrzeiowiczom woytom Baryszpolskim y przy mnie będącymi burmistrami y raicami iednostainie zasiedłymi w ratuszu Baryszpolskim, postanowiwszy się oczewisto Iacko Horban iasnie y dobrowolnie ku zapisaniu do knih mieskich Bariszpolskich przyznał tymi słowy: iż dey przedał iesmi dom swoy własny, nikomu ni w czom nie pennyi y niezawiedziony, leżący na Karpiłoku, ydący na Karpiłowkę z iedney strony Nikoła szewca, stoiący przeciwko czobotarni Honczara kozaka, dom zo wsim budynkiem Sidorowi Moskalenkowi, mieszczaninowi Baryspolskiemu, za cop cztyrnascie liczby lit., do ktorego domu wyszmianowanego Iacko Horban nie maie mieti żadney potrzeby, ani on sam. ani żona, ani dzieci iego, niema miec potrzeby ani z krewnych żaden iego wiecznymi czasy, tylko ten wyszpomienieny Sidor tot dwor prodati, darowac y iako chciec obracac na pożytek swoy. O co prosili nas wradu mieskaho wyszpomienionego, osobie wyszpomienione; te przyznanie Iackowo do xiąg

[1]) Въ первый разъ упоминается въ актахъ сотникъ борисопольскій Антонъ Герасименко, записанный въ реестръ (стр. 230).

mieskich Baryspolskich, było zapisano; co my widząc recz słnszną y oczewistą, przyznanie Iackowo Gorbaniowo kazali do xiąg mieskich Baryspolskich zapisac — co i est zapisano y przyniato.

67.

Гнѣдинскій козакъ Андрей Ващенко и Костюкъ Залозненко подѣлили между собою имущество, оставшееся, послѣ смерти жены Залозненка, а Ващенка свояченицы.

Anno 1651, die 8 februaryi

Stanowszy przede mną Iosifem Andrzeiewiczem woytem y przy iednostainie zasiełymi burmistry Andrzey Waszczęko kozak Hniedinski, woyska jego kr. mosci zaporozkiego y Kostuk Załoznęko, że tego Andrzeia wvszmianowanego żeny był, za tym Zołoznienkiem siostra rodna; tedy tego Załoznięka żona zeszła z tego swiata, a po niey zostało się dziecie w pieluszkach; tedy co się zostało po tey sławney pamięci iey niebożczycy, iey przyniesienia, tedy podzielilisię Andrzey z Załozniękiem od mała do welika, ieden drugiemu dosic uczynili y nie maią ieden drugiemu od tego czasu niiakiey przeszkody czynic y turbacyi promiezku sobą podnosic. Co obie strony stanowszy przede nami urzędem mieskim w ratuszu, prosili nas, abyśmo ich ugodę, y podział ich, do xiąg mieskich tuteyszych zapisali — co y zapisali y pryniali. — Działo się w ratuszu naszym Baryspolskim, anno dom et ut supra.

68.

Заявленіе Фенны Грицихы, что Ярема напрасно обвинялъ ее въ кражѣ пояса, который она купила въ лавкѣ Кіевскаго жителя Ивана Шевченка.

Anno 1652, miesiąca junia dnia 29.

Stanowszy oczewisto przede mną Iesifem Andrzeiowiczem y przy mnie iednostaynie zasiadłymi burmistry Iwanem Dziegciarẹn-

kiem y Iwanem Mohilnym Fenna Hrycycha, yż będąc o niewinnosć swoie od Iaremy o poias, że iey złodzieykoiu uczynił, y za ten pas iey turbował, co ona od kogo ten pas maiąc, nalazła tu w Baryszpolu tego kramarza, toiest Iwana Szewczęka, obywatela Kiiewskiegor tedy co Iarema w niewinnosci iey turbował, tedy za tym pryznaniem wolno prawo iey z nim pociągac y swego dochadzac. Przy tym przyznaniu byli tego Iwana Fedor Siemienowicz, Iwan burmist; Dziegciaręko y mieski pisar Iwan Własowicz, ktorym Iwana y towarzystwo przynano, że Hrycycha toy pas kupiła. Co do rezolucyi większey zapisuie do xiąg mieskich ratusznych.

69.

Обвиненіе Трясчихы и Путятихы въ колдовствѣ (актъ безъ конца).

Anno 1652, miesiąca oktobra 15 dnia.

Przede mną Antonem Harasimękiem sotnikiem y przede mną Sidorem atamanem horodowym woyska jego kr. mci zaporozkiego y przy mnie zasiadłymi wrzędu mieskim, Iiesifa Andrzeiewicza woyta y przy nim zasiadłymi burmistry Iwana Dziegciarenka y Klima Wakulenka, stanowszy iednostainie, iako kozaki także y mieszczanie, że panie urzędzie, że nam krzywda od tych niebożnych y zapamiętałych boiazni Bożey białogłow, od Traszczychi y Putiatichi wielka krzywda dzieie, że nam pogubili oycow, matek, braci, siostry, dziatki, y samim się nam od nich dostała. Prosimy, aby raczyli waszmosc, według swiętey sprawiedliwosci, według ich uczynkow więcei w więzieniu ich nie trzymali, y im według zasługi ich, ym karnosc dali. Przyznanie piersze Charkowo Iakubękowe na Owdieychu Traszczychu: Iak szed iednego czasu na targ, na miasto przed swiętą Pokrową y z nim yszła Traszczycha, y tak on spytał iey: czi wni miescie do Pokrowy mor ? Ona mowiła: nie, y mowiła do niego: wyidź s tego ty konta, gdzie mieszkasz, bo kiedy nie wyidziesz, to wymresz; y na kwestyi będąc, sama tych się slow przy-

znała. Drugie przyznanie Iowsiia Onanki: gdy on w gumnie żyto młocił, przyszła do niego Traszczycha, a on żyto do miecha sypał, ona mowiła do niego: Iowsieiu, weż trzy ziarni z miechu żytne precz, tedy w domu twoim nic złego nie stanie, będą żywy; y miedu y wosku, y mąki prosiła; mied y wosk wzięła a mąki nie wzieła: nie trzeba nam taki mąki, na tuiu recz nie zhoża. Trzecie przyznanie p. arędarza Kiryła Dawydowicza: Owdieicha mowiła do niego, że, panie arendarzu, wyidzi z miasta precz, na Iwankowskuiu ulicu, to będziesz żyw ze wszystką czeladzią; co też y na kwestyi tych słow przyznała się. Gdy było zezłanie urzędowne od p. setnika y od towarzystwa iego, y od pana woyta do niey, do Traszczychi, tedy ona pryznała, ktorych posyłano pred nimi, pred Wasilem Wołoczaiem y pred Pawłem Halasniękiem y przed Matwieiem Szulhoiu dobrowolnie: że, panowie, wezcie wm. Putiatichi, bo ona starszaia nasza iest, że ona dziewkoiu raditca, y w kosach chodit, mołodoiu czynitca, y po dworach chodzi y dwory nadychaie; iak iakii dwor natchnie, to wsi wymrą. Putiaticha, nię będąc na kwestyi, dobrowolnie pryznała, że y Wasilicha popadia, taka, iak ja; y Traszczycha także przyznała, y na winniczkę przyznała, że taka iest y yją Na ostaniu Stepan Traszczychu, że mowiła, że popadiu y Putiatichu y winniczku zgubcie, a nie zgubicie, te gorzei będzie z wami y w ogniu gorząc po dziesięciu raz mowiła, żeby ych aby nie puscili ni iedney....

70.

Раздѣлъ имущества Васька Ляха между сыномъ Сидоромъ, дочерью Хвескою и внукомъ Иваномъ Гаркушей.

Anno 1653, miesiąca januaryi dnia 14.

Iż był podioł przede mną Anto(no)m Harasimękiem setnikiem woyska zaporozkiego y atamanem horodowym Zdanom Krywochiżom [1]),

[1]) Жданъ Кривохижа записанъ въ реестръ Войска Запорожскаго въ бориспольской сотнѣ седьмымъ. См. Реестра, ст. 230.

y przy nas Iiesifem Andrzeiewiczom woytem y przy nim iednostainie zasiadłymi burmistry y Iwanu Dziegciaręku, podział niebożczyka Waska Lacha dobrem z synom Isidorem z siestrą Fieskoiu Kononichoiu, yz chłopcom Iwanom, slepoi synom; tedy sczo było połotien, chust biełych, to na try czasti rozdzielili y kożdego czast doszła, co komu przynależało, żupan Sidoru, siniy płachtu każdego doszli, co na kogo przynależało, y Harkuszy Iwanu dano na sowieść połotna suwoi, płachta za pracu ych co pochował tieło hresznoie, bo sam niebożczyk Wasko odkazał toie Sidoru woł rebyi, slepoi synu woł gniadyi, korowa ryżaia; Fesci klacza gnida, Sidoru połowaia, sołowoi woł y maly byczok swinia iemu, Fiesi swini troie, Iwanu Horkuszy swinia, pradiwo na troie y pasznia wsia na troie. Tedy co my byli na podiełu tym, tedy od mała do wiela każdego doszło, iako bratu, siestre, chłopcu; tedy do tego dobra podziału, że niema żaden pokrewnyi, iako blizki, tak y daleki przystempu miec do nich, y między nimi o toie żadney turbacyi nie maie byc; co każdemu, ktoremu podział stanoł, to y doszed, a ieden drugiemu niema żadnego słowa mowic o te dobre, co sie dzielili miedzy sobą. Co oni s trzech rąk prosili, aby ten był podział ych do xiąg zapisany, co y zapisali my, urząd, dnia wysz (napisanego), anno domini et ut supra.

71.

Пилипъ Кладиноженко[1]) продалъ свой домъ Нечипору Михайленку.

Anno 1653, miesiąca february die 18.

Stanowszy przede mną Iesifem Andrzeiewiczem woytem y przy mnie iednostaynie zasiadłymi burmistry, Iwanem Dziegciarękiem, Pilip Kladinożęko, yż przedał dom swoy własny, nikomu nie pienny, stoiący na ulicy Hruzdowey, wedle Saczka y Bukaty, Nieczyporu Michalęku za kop pięc liczby litew., wolno temu Michalęku ten

---

[1]) Пилипъ Кладиноженко также записанъ въ реестръ. См. стр. 231.

dom przedac, darowac y na cerkiew oddac, y samemu obladac, ani ia Pilip, ani żona moia, ani dzieci, do tego domu nie maią miec przystempu do tego domu, okrom Niczypora. Co obie stronie stanowszy przed nas, wrząd mieski, prosili, aby do xiąg tey kupli domu zapisali, co iest zapisano y przyniato, anno, die et ut supra.

72.

Павелъ Тетеря, полковникъ Переяславскій, для покрытія полковыхъ долговъ продалъ хуторъ подъ Борисполемъ (Пустовскій) козаку Хведору Дубровенку.

Року 1653, месеца июня 25 дня.

Передо мною Иосифом Андриевичем войтом и при мнѣ едностайне засѣлыми бурмистрами Олексием Литовченком, Митком, Грицком Линником, Лаврином Федоровичом, ставшы очевисто Хведор Дубровенко, козакъ войска запорозкого, покладал листъ на футур, купленый у пана полковника Переяславского, писаный тыми словы: „Вѣдомо чиню тым писанемъ нашим, иж за ознайменем сотника Барышполского Пустовскій футор, бывшій Павла Билого в Барышполю, тот теды хутор на поратунокъ долгов полку нашего продалихмо товарышови нашому Хведорови Дубровенку, обывателеви Барышполскому, за готовые грошѣ, за копъ пят литовских, з полем, зо всѣми приналежностями здавна до того хутора належачими, которого без кождого пренагабаня и турбаций спокойным держанем своим мает собѣ того заживати; на што сее писане помененому Хведорови от нас естъ даное. Писан в Переяславлю, 23 июля, 1653, а подпис руки: Павел Тетера, полковник Переяславский. О што нас уряду просил, абы был принят и в книги вписан; кото(ро)госмы казали вписат.

73.

Самойлиха обѣщаетъ, что передастъ внуку отъ умершаго сына Ефима причитающуюся часть имущества, когда онъ достигнетъ совершеннолѣтія.

Року 1654, месеца февраля 7-го дня.

На вряде местском, передо мною Иесифом Андъриевичом и при мне едностайне засѣлыми бурмистрами, ставшы очевисто Грицко Киселенко зъ жоною своею Фесею, бывъшею Евъхимихою роспиралися зъ Самойлихою и з сынами ей Матфием и Якимом (о) позосталое убозстве сына ей Евъхима, которое позостало дитяти его а внукови Самойлишиному, Данилови; домагалася матка у бабки, абы тое убозство отдали дитяти. Теды на тое баба не позволила и мовила, же в тот часъ отдам, якъ внукъ зъросте; а по мне сыны мои повинны отдат, то ест меновите: коня, жупан, вола, я сама повинна тое внукови Данилови отдат, а по мнѣ сыны мои Матфий и Яким повинны тое все отдате. О што просили нас уряду, абы было для памети до книг записано—што есть записано.

74.

Раздѣлъ имущества между Остапомъ Подгайненкомъ и сестрами его Татьяною и Овдею.

Anno 1654, miesiąca maia 3 dnia.

Iż była ugoda, przed nami, przede mną **Siemienem Swietliczнym** setnikiem [1]) y Daniłą Szepielenkiem atamanom horodowym y przy mną iednostainie zasiadłymi burmistry Iwanem Timoszenkiem y Hrickom Małyszenkiem, y Sawką Zacharczenkiem, y Miskiem Chodorkowskim, Ostapa Podhainenka yz siestrami swemi, dwoma Tatianu, a druhoiu Owdieiu, o oyczyznowski dom y sad sławnei pamięci Andreia Banbiereka, tedy Tatiana poszła zamąż za Harasima Iesifowicza, za bywszego wuyta; tedy pozywał Iiesif yz synem Ha-

[1]) Второй по времени сотникъ бориспольскій Семенъ Свѣтличный.

rasimem Podhainięka przed panow sędziow woyskowych, tedy Iiesifowi nakazano było extraktem od oiczyzny wystąpic. Tedy ten Ostap tego wysłuchawszy y opelewał do jego mosci pana hetmana dobrodzieia naszego wielkiego y pozwał Iesifa yz synem do Czehiryna, do pana hetmana. A gdy przyiechali z sobą do Czehiryna y przyszli do pana hetmana, tedy iego mosc pan hetman odesłał do panow sędziów, aby ich sprawy wysłuchali y rossądzili. Co też panowie sędziowie rozsądzili y dekretem przykryli, że sestram Ostapowym trzecia częsc w sadu obom, a dwie częsci y dwor ze wszystkim budynkiem y z sadem, y z polem Ostapu, iako oyczyzna iego własna, y dekretem nakazana od panow siędziów woyskowych, co też w tym dekrecie napisano y do nas, aby trzecią częsc ubozstwa z sadu oyczyzny dano dziewkam y spłacono. Tedy ja, Siemien Swietlicznyi, setnik, y ia Charko Kuranda wuit, ia, setnik, posłałem, dwoch towarzyszow na imia Antona Harasimięka y Dawyda Wiernięka, a woit dwoch burmistrow Iwana Timoszęka y wysz mianowanych ynych burmistrow o szacunek sadu tego Podgainego. Tedy sad oszacowali kop 90 z. polskich; tedy za trzecią czesz y oddał brat Ostap siestram pieniędzy Iiesifu y synowi iego Harasimu częsc tego, co przynależało na Harasimichu, siestru iego Ostapa. Iiesif Andrzeiewicz y syn iego Harasim żadnego przystępu niema miec do niego, do Ostapa, ni żony ich, ni dzieci, ni też krewnyie ych, iako blizkiie, tak dalekiie, ni do oyczyzny iego sławnei pamięci oyca iego Banbieręka żadnego przystępu, okrom Ostapa; wolno temu Ostapu ten dwor yz sadem, y z polem przedac, darowac y na cerkow oddac, y samemu obładac, iako w oyczyznie; co też y Iiesiofowi synowi dosyc się stało Harasimowi, od mała do wielika od Ostapa oyczyźny iey. A co się została siestra mnieysza, tedy przy nim ma mieszkac Owdia, y ubuzztwo, co na niey przynależyt oyczyzny, to do wzrostu iey y do oddania zamąż iey trzymac, a oddawszy zamąż ią, to oddac ma Ostap supełnie oyczyzne iey; a oddawszy ią zamąż y oddawszy, co na niei przynależy oyczyznu iey, to wolnym ma byc Ostap wiecznymi czasy y od tey, co y ta mnieisza Owdia siestra do dwora, ni do sadu, ni do pola, niema miec żadnego przystempu, tylko Ostap Podhainy.

Co obie stronie stanowszy przed nami prosili, aby do xiąg zapisano mieskich Baryszpolskich, co iest y zapisano anno die et ut supra.

75.

Раздѣлъ имущества между Гришкомъ и его мачехою Ивановою Кравчихою.

Року 1655, маръта дня 8.

Перед нами акътами места Баришъполя, в ратуши Баришпольским, Харку Курандѣ войтѣ, и перед нами засѣлими бурмистрами Грицку Малашенку, Миску Ходорковъским, Савцѣ Захарченку, Ивану Томиленку, ставшы очевисто Иванова Кравчиха из пасынкомъ своим, и скаржилас на пасынка своего Гришка, котрой укривдил еи в позосталой худобе небожчика мужа ее второго малженства в рупесках рухомых и лежачих; що теж мы выслухавшы обех контроверсій обох сторон, и углядевшы тое, наказали есмо, абы двадцат гроший дал за зелѣза, косу, по полуосмачка муки пшеничной, серповъ два, а въ засѣвку озимом третая част, его два работника мают бути, не еден. Што тежъ для лепшей вѣре и памети далиесмо се писанѣ с подписом рукъ наших и печатей наших року и дня выше мено(ван)ых.

76.

Вдова Федориха Коломейчиха продала свой домъ Ивану Панушку.

Року Божего 1655, августа дня второго.

Передо мною Харком Курандою войтомъ и при мнѣ будучими бурмистрами Грицку Малишенку, Ивану Тимошенку, Савцѣ Захарченку, Миску Ходорковским, ставши очевисто Федориха Коломейчиха вдова, и оповѣ(ди)ла ясне и явне, иже продала дом свой власный, нигде, ни вчом не заведеный, из огородомъ и якъ се в собѣ маетъ, на улици Вишенской за золотих полодинадцати Ивану

Панушку, котри то домъ волно ему самому, жонѣ, детем и приятелем его уживат, также волно продати, дати, даровати; а я вѣчне не маю жадной справи болше мѣти, так тежъ и приятелѣ моѣ вѣчне. Счо тежъ стороне обѣ просили нас, абы то было и до книг месткихъ записано; счо есть записано року и дня вишеписаного.

77.

Ониско Пусѣй продалъ свою ниву Трохиму Турукалу.

Року 1655, августа 2.

Передо мною Харком Курандою войтом и засѣлими бурмистрами Грицку Малишенку, Савцѣ Захарченку, Миску Ходорконъском, ставшы очевисто Ониско Пусѣй и оповѣл явне, жемъ продал ниву из цѣлиною в меже Михалевой пану Турукалу Трохиму, за суму певную за 20 шест, вѣчне, которую ниву волно ему самому и потомком его уживат вѣчне, также продат, дарова(т); а я и потомки моѣ не мают справы до тои нивы мѣти. Счо теж стороне обѣ просили нас, абы то было и до книг местких принято и записано; счо ест принято и записано.

78.

Тимошъ Олешневичъ продалъ свой домъ Андрею Мохомору, цехмистру кушнерскому.

Року 1655, августа дня десятого.

Передо мною Харком Курандою, войтом, и при мнѣ будучими бурмистрами, Грицку Малишенку, Ивану Тимошенку, Миску Ходорковскимъ, ставшы очевисто славетный пан Тимошъ Олешневичъ ку записаню до книг мескихъ и оповѣл ясне и явне, ижем продал дом свой власный нѣкому нѣ въ чомъ не заведенный зе всимъ будинкомъ, як ся в собѣ мает, за суму певную, за сто злотихъ и са десятъ пану Андрѣю Мохомору, цехъмистру кушнерскому и бра-

тие его всей в цеху кушнерском знайдуючых ся, вѣчне, а я Тимош выше менованый, от того дому вѣчно зрекаюс не мѣти жадного приступу, такжс жона и приятелѣ моѣ до того дому; а пану Андрѣю вишс менованному и братиѣ его волно продат, дати и даровати и як хотѣть найлѣпше на свой пожиток оборочат. Счо тежъ стороны обѣ просили нас, абысъмо тое до книг местских казали писать—счо ест принято и записано року и дня вышменованихъ. Котрий то дом мѣлемъ такжс за гроши своѣ власны, от пана Северина Висоцкого, бывший Матюшкевичовский, стоячи перед Товстонышина, а обмеж у того Олешкевича.

79

Мировая сдѣлка между Фескомъ Меселіемъ и Юскомъ Рыжимъ по дѣлу объ убійствѣ сына Феска, Омелька.

Року 1656, ноебра дня (?)

Перед нами Харком Курандою войтом, и при мнѣ будучыми бурмистрами Григорию Малишенку, Ивану Тимошенку, Савце Захарченку, Марку Ходорковским, становшы очевисто Феско Меселій, челядник пана Пекунацкаго, поведал перед нами справу свою, которую мѣл з Юскомъ Рижом, о побитя сына его на имя Омелки, такжс и перед его милостю паном судиею енералним Антоном Ждановичом, войска его царское милости зволанного от его милости пана гетмана, и просил поневаж оную успокоил и поеднал справу, абы то было и до книгъ месткихъ записано. Где ми сами, особи вишс менование при тим будучие, иж тая справа през пана судю, пана Стефана Сулимы, пол. пер.[1]), пана Григория Забузского, пана Богдана Калениченка, пана Тимоша Цицоренка, сотники Баришполские, и Семена Светлечного и Антона Гарасименка и инших особ немало, на тот час будучих, поеднаня сталос, и актор з позваным простилис во всем, так в накладах яко и инших речах, хоч смерт, любо

[1]) Степанъ Сулима, сынъ гетмана Ивана Михайловича Сулимы, убитъ въ 1659 г.

живот был сыну Юска Рижого, просто Юску Рижому мет поменененого Феска во всем досит ся стало Юску Рижему; котрий то Юско Рижий просил нас, абы тое было до книг меских записано—счо тежъ мы особы виш менованые доводне тую справу виразумѣвшы и дознавшы, иж так ест, а не иначей, поневаж скуток и еднаня сталос во всим Юску Рижому, иж Юско Рыжий, анѣ сынъ, анѣ жаден с приятелей, чоч бы за намовою людскою были, (до) тоеи справы не повинен мѣти жадного дѣла и приступу часы вѣчными. Счо тежъ ми тую згоду и еднаня казалесмы и до книг меских записат, и ест записано рока и дня вышменованого.

80.

Костюкъ Залозненко продалъ свой домъ Федору Рымарю.

Року тисеча шест(сот) патдесят седмого, месеца сентебра дня осмогонадцатъ.

Передо мною Григорим Линником войтом и при мнѣ будучими бурмистрами Васку Великим, Миску Ходорковским, Ивану Тимошенку, станувшы очевисто Костюк Залозненко признал ясне и явне, жем продал домъ свой власный не ценный и нѣкому нѣвчом не заведенный, стоячий в межу дому Ивана Денисенкова, за суму певну, за коп тринадцат личбы литовское, Федору Рымару, зе всим будынком, як ся в собѣ мает, и з огородом; которим тим домом Федору, як хотѣт, ведлугъ пожитку своего оборочат, также волно продати, дати и даровати; я Костюк, жона и всѣ приятелѣ моѣ не мают мѣти и мочи не будут жаднего дѣла и приступу часы вѣчными. Счо теж стороны обѣ просили нас, абы тое было до книг меских записано.

81.

Герасимъ Есифовичъ продалъ свой домъ свояку Грицьку Яременку.

Року тисеча шестсотъ пятдесят осмого, дня двадцат третего миеця марта.

На вряде меском пере до мною Григоромъ Линником войтом и при мнѣ будучими бурмистрами Васку Великом, Миску Ходорковъским, ставшы очевисто Гарасим Есифович, вызнал ясне и явне, же я у свояка своего Грицка Яременка узялем коп девят за дом, которий то двом сестрам належал; пре то през декрѣт правный, я, яко старшый, спустилем свояку своему, то ест меншои свести своей, за суму вышменованую; прето вѣдомо чиню, же ея дом ис полем, що до того дому належит; теды ему волно тим домом, и полем, и садом, якъ хотѣт оборочат, продати, даровати, дати и на церков отдати, и якъ хотѣтъ на свой пожитокъ оборочатъ. А я Гарасим, жона, дѣти и приятелѣ моѣ, часы вечными до того двора и поля, саду, не мают мѣти жадного дѣла и приступу, под винами на вряд будучий зло(тых) сорок, и под обовязками правными. Теди сторона обѣ просили нас, абы тое було и до книг нинешних меских принято. Прето мы бачачи реч слушную казалисмо и записат—и ест записано.

82.

Марья Ярмолиха продала свой пляцъ Левону Филоненку.

Року тисеча шестсотъ пятдесят девятого, месеца септеврія дня 20.

Перед нами Иваном Тимошенком войтом, из бурмистрами Миску Ходорковским, Иваномъ Тихим, ставшы очевисто, Маря Ярмолиха, ку записаню до книг мескихъ нинешних визнала ясне и явне, жемъ продала иляц свой власный, стоячий напротивко двора Миска Ходорковъского бурмистра, за золотых пят Левону Филоненку на вечност, ему самому, жонѣ, дѣтем и приятелем, а я Маря Ярмолиха,

до того пляцу юж не маю мѣти и мочи не буду жадного дѣла и приступу часы вѣчними. А для памяти казалисмо до книг меских записат и ест записано, року, месеца и дня више менованого.

83.

Постановленіе Гоголевскаго уряда о признаніи невиновнымъ въ кражѣ Никиты Бориспольца.

Року Божего тысеча шестсот шестдесятого месеца февраля 20-го дня.

Перед нами въ ратушу Барышполским, передо мною Иваном Тимошенком. войтом, з бурмистрами также из нами заселыми, паном **Василіем Волочаем**, сотником войска его царского величества запорозского, Барышполским, и при товариствах двох, зосланых з мѣста Гоголева, зосланых з Микитою Барышполчем для вшелякого даня вѣри, который ставшы Мыкита, обывател Гоголевский, показовал нам правный декрет с подписами руки и печатми, который декрет так ся в собѣ мает: „Мы, врад мѣста Гоголева, чиним вѣдомо сим нашимъ урадовным писаням, тепер и напотом будучим паном врадом, якого колвекъ стану, так свѣцкого, яко и духовного, аже притрафился был злий казус на Микиту Барышполчака от Грицка Сиварского пасынка, о поволаня злодейства; который то менованый Грицко, юж будучий в подозреню на злодействе, пойманый в першом разу в Барышполю, а для першого разу врад уволнившы его, аби не был каран на горлѣ, а тепер другий и третый раз потknулся, въ Ядловце и в Гоголевѣ чтири воли украл; а будучы за третим разом злодейства, приведенный будучы перед уряд наш Гоголевский, повидѣл на правѣ же з Микитиноѣ направы волы крав. Мы, врад, записавшы, казалисмо его до вязеня дати и того за поруку кого поволан, а ведлуг права на горло осудившы оного злочинцу; а гди раз и другий был справованый от мистра, в тие слова повѣдал, як и вперед повѣдал, а кди юж был веден на смерть, отволал Микиту повѣдаючы, жем то з иншых людей намовы пово-

лал, Микита нѣчого, нѣкды о том не знает. Що мы вряд видячи, же невинное поволаня и неславу нанес оный злочинца, так на его самого, дѣти, яко и на всѣ приятели, казалисмо оного Микиту, яко невинного, нѣ в чом не подойзреного уволнити, и писаня ему дати, варуючы, абы нѣхай не важилсе словами ущипливыми доганяты и бе́зчестити так его самого, яко и всѣх приятелей, любо на подпивку, любо в дорозѣ, або на ярмарку и индей гдѣ ено трафится; а хто бы мѣл наименшим ущипливым словом вишменованому Миките, такового доводом и донесенем скарги до вряду, якогож колвек притрафится, повинен будетъ очищати и навязки платит сто коп на вряд, и увязеню седѣт неделю, для того що обезчестил в невинности. Що для лѣпшое вѣри, и писаня далисмо с подписом рукъ, под печатю; котороесмы прочитавшы, ведлугъ прозби, казалисмо до книг меских нашихъ Гоголевских записати слово у слово". В котором-то декретѣ тии подписи рукъ в том декрете: Петро Хоначевский наместник Гоголевский. Артем Гнѣвуш, сотник Гоголевский. Федор Кашуба, атаман городовый зо всѣмъ товариством, Данило Кега (?) войтъ зо всею громадою. И при том вписаню, были зослани Семен Гриненко, Грицко Пархоменко. Прето на жадания пана Микиты Барышполченка и ведлуг (права) в книги ест вписано, для вшелякого даня вѣры ест вписан.

84.

Оришка Савчиха продала свой домъ Харьку Кроткѣ.

Року тисеча шестсот шестдесятого месеца февруария дня двадцат четвертого.

На вряде меском перед нами Иваном Тимошенъкомъ войтомъ з бурмистрами Миску Ходорковъским, Иваном Тихим, постановившыся очевисто Савчиха Оришка, визнала ясне и явне до книгъ меских нинешъних, жемъ продала дом свой власный непенный и нѣкому нѣ в чом незаведеный, стоячий напротивко огорода Курандина, Харку Кротце за золотых одинадцат, зо всѣмъ будинкомъ,

як ся в собе маетъ. Которому то тенъ домъ от мене проданый, волно продат, дати и даровати и якъ хотѣт ведлуг пожитку своего оборочат; а я сама, дѣти моѣ и приятелѣ до того дому не мают мѣти и мочи не будут жадного дѣла и потреби часы вѣчными. Прето стороне обе просили нас, аби тое било до книг меских принято и записано—и ест принято и записано, року, месеця и дня вишъменованого.

85.

Ганна Ярошиха продала свой домъ Дмитрію Нечипоренку.

Року тисеча шестсот шестдесятого месеца февраля дня 20 шестого.

Передо мною Иваном Тимошенком войтом, з бурмистрами, Луцку Полуляховым, Иваном Тихим, Миском Ходорковъским, ставши очевисто Ганна Ярошиха, визнала ясне и явне, жемъ продала дум свой власный не пенный и никому, ни в чом не заведеный, стоячий в межу двора Процикова, за певную сумму за зло (тых) осм Дмитру Нечипоренку, которому волно продат, дат и дароват, и якъ хотѣт ведлуг пожитку своего оборочатъ; а я не маю до того дому не маю мити жадного дела часы вечными. Прето сторони обѣ просили нас, аби тое було записано, и ест записано року, месеца и дня (вишменованого).

86.

Приговариваются къ смертной казни Юско Баюрченко и зять его Ярошъ Семеничъ за кражу лошадей.

Року тисеча шестсот шестдесятого месяца июля дня двадцат семого.

Перед нами, въ ратушу Барышполским, Григорим Малишенком войтом, Панком Черевченкомъ, Матвѣемъ Шулгою, Герасымом Дюгтаромъ, и при бытности пана Данила Кулика Гордѣенка и иных

товаришахъ на справу нижей менованую в сем року заселыми, ставши очевисто Процик Евсѣенко, Яким Шинкар, Григорий Верещака и козаки полку Переяславъского мѣста нашего Барышполя, ускоржалися на Юска Баюрченка злочинца, у которого Процикъ Евсѣенко в Переяславѣ у Павла шинкара з конем постигнул, которого в том же Переяславлю до вязеня оддал; который Юско доброволне узнался, же коней двое я сам узяв, на болоню под мѣстом сивого, а гнѣдий за мною бѣгъ. Потим през декрет того враду Переяславля на Юска злочинцу бил выдан, бил трикрот тягненый. Который Юско на Яроша Семенича зятя своего поволал: же Ярошъ, зят мой, до того мене привѣлъ и намовил, и взял коня Якимова, то не вѣдаю где, и оддал ми у озера Княжицкого, а Верешчачина коня отдал против Нестеровки, у Петровицю. Прето ми, суд, ведлуг жалобы козаков вишъменованих, схиляючися до права посполитого в статуте земском и в порадке права майдебурского описаного, сказуем оного Юска Баюрченка злочинцу, такъже и Яроша Семенича зятя своего, который его до того приводил и самъ много шкод людем в краню коней починил; так Яроша, вишъмененого злочинцу, ми, суд, сказуем на муки и на смертъ, абы ведлугъ роботы плату взяли и с тим на суд Божий стали; бо еслибы хто украл, жеби злотих три стояло, або вышей, мает бути обѣшон, если теж укралбы, жебы стояло полкопы, мает бути нацехован. Прето водле роботы своей Юско злочинца и Ярош, будучий поволан од шурина своего, же ся ему в тым товаришыл, в краденю коней, мают плату на своем тѣли и здоровя понестѣ; а для лѣпшое вѣри и далшои памяти, казалисмо оных злочинцов справу до книг меских Барышполских записат, и ест записано et ut supra.

87.

Семениха Бульская признаетъ, что она оклеветала дѣвку Зѣню.

Року тисеча шестсотъ шестдесятого мѣсяця августа дня двадцат пятого.

Передъ нами врадомъ месткимъ Барышполским Григориемъ Малышенкомъ войтом, Панком Черевкомъ, Иваномъ, Матвѣемъ Шул-

гою, Яковомъ Яцюченком бурмистрами, лавою зуполна засѣлою и з нами засѣлими, паномъ Данилом Куликомъ атаманомъ городовымъ, ставши очевисто Матвѣй Коломыецъ, также и Семениха Булская, помовила була пяная Матвѣеву братану дѣвку Зѣню нецнотливыми речами, которой казалисмы Булской, аби того доказова(ла), же помовила була пре то пана Матвѣя Коломийца за тую дѣвку о проступок свой з людми зацными, передъ нами судомъ просила и тие нецнотливые слова у своѣ уста побра(ла), тыми словы мовячи: же я не говорила ти, алеж брехала, и на тим пана Матвѣя поеднала, же Матвѣй Коломиец, жона, также дѣвка вишей имено(ваная) до Семена Булского, анѣ до жоны юж не мают мѣти жадного дѣла и потребы вѣчными часы, а Булская не маетъ жадныхъ похвалок и тых... *(актъ не оконченъ).*

88.

Фесько Матвѣенко продалъ свою хату брату своему Ивану Матвѣенку.

Року 1661, генвара 4-го.

Перед нами Григорием Малишенком войтом, з бурмистрами Михаиломъ Шулгою, Герасимом Дохтаром, Яковомъ Яцутенком, Максимом Поташным, ставши очевисто Фесько Матвѣенко, визналъ ясне, явне и доброволне, жем продал хату свою власную, батковскую, за суму певную, за коп повчварта, Ивану Матвѣенку, брату своему, на вѣчное и спокойное ему держаня; ему волно тую хату, от мене купленую, продат, дароват, на церковь отдат и якъ хотѣть оборочать; а я тое хаты вѣчнесь зрекаю не мити до тое хаты жадного дѣла вѣчными часы. Прето стороне обе просили нас, аби тое було и записано, и ест записано.

89.

Михайленко хотѣлъ два раза получить деньги съ Веремѣя рѣзника за скотъ.

Року тисеча шестсот шестдесят первого месеця анварія дня 21.

Передо мною Дмитром Светухою полковником наказным войска его корол. милости запорозского и судею войска его кор. милости Переяславским и при мнѣ будучих особъ, славетных панов, паном Исидоромъ Поклонченкомъ атаманом, Григорием Малишенкомъ войтомъ з бурмистрами, актовалас справа Веремѣмъ розником поводом и Гаврилом Михайленком, а то в тен способъ: аже Веремѣй винен был долгу тому Михайленку за розный товар, за который товар Веремѣй все отдал тому Михайленку од мала до веля; на которое то отдане долгу ставив людей много, а меновите на вряде мѣскому Веремѣй во всем уистился; а Гаврило Михайленко невинне у того Веремѣя набралъ товаров розных на коп сто и едну, ведлугъ реестру и слушной рахубы; который Михайленко, ведлугъ жалоби адверсира своего, до того браня, которое Веремѣй меновал, не узнался, але в томъ ся далъ Михайленко до книгъ мескихъ записати в тен способъ: же мыс во всем з Веремѣмъ погодили, же юж не маем еден до другого, не маем мѣти жадного дела. Прето мы казалисмо тои угоды записаной в книгах шукат, счо ся жадным способом тое не показало, але през свою мову власную во всей винѣ зостал; бо и жаден з уряду на то не признал, тилко признали, же рахубу на то чынили, а в том южъ и сам Михайленко признал ся, же раховалесмо на ратушу, въ томъ ся Веремѣй нами, вряломъ, сведчил, и того доводил Веремѣй, яко повод, людми одними, то есть ставил Андрѣя Лисого, для подпори справы своей, котрый под сумленем, перед нами врадом признал: же у мене Гаврило Михайленко за вола едного два разы плату брал. Также Иван Перестрит, также под сумленем признал: же я два разы тому Михайленку за гречку платил. Прето мы, суд, прихиляючыс до права посполитого в статуте земском и в порядку права майдебурского записаном, наказуемъ декретомъ нашым, абы Михайленко, яко южъ

презвѣджоный в своей речи през вѣды повода своего Веремѣя, во всем, от мала до велика, тые сто коц и едну отдал и наклады правные поворочал, и за свое кламство и нецноту, караня однѣс, яко упалий у своій речи и перекопаный сведками. Счо для лѣпшои вѣри и далшой памети тепер и напотом будучым, казалѣсмо тот декрет нашъ принят до книг меских Баришполских, абы болшъ южъ не мѣли еден до другого жаднои справи часы вѣчными; которий мы приняли, который ест слушне и досконале во всем писаный. Дѣялос року, месеця и дня вишъменованого.

Тимже паном уставуем, пану Веремѣю и пану Гаврилу Михайленку, заруку, ежели бы который мѣлъ тую справу счати, любо сами, або хто колвек с приятелюв, або похвалку пяный, або тверезый чынити,—на такового укладаем вины на его милост пана гетмана таляров 100, на пана полковника—таляров 100, на сотника злотых 100, на вряд меский злотых 100; которая зарука жадными людмы перекопаная не минет, конечъне.

90.

Петро выдѣляетъ имущество своей невѣсткѣ.

Року 1661, месеца мая 25 дня.

Ознаймуемъ и записуемъ симъ записом нашимъ в книги мѣские, ижъ Петро Осиповъ братаничъ отправлялъ невистку свою, и дай юй третину во всюмъ господарствѣ и набытку вѣчными часы, жебы южъ болшъ межи собою не турбовалис, тилко еще в новину мает дати ис поля невѣстци своей десят коп жита, а болшей тое отдавшы, жебы юж вечными часы не турбовалис; тилко вона била винна золотихъ осмънадцет; прето девер еѣ, Петро, пренялся тое отдат, на которие осмнадцат золотих покинула она шмать не дѣланую, прето, аби южъ вѣчными часы не турбовалис. Дѣялося въ ратуши, року и дня вишеписаного.

91.

Прохоровскій житель Кирикъ Фесенко и Кіевскій житель Денисъ Купріенко помѣнялись лошадьми.

Року 1661, июня дня 26.

Перед нами Григорием Малишенкомъ войтом, з бурмистрами Матвѣю Шулгѣ, Гарасиму Догтару, ставшы очевисто Кирикъ Фесенко, обывател Прохоровскій, и Куприенко Денис, обывател Киевскій, ставши очевисто вызнали ясне, явне и доброволне, ажесмы ся конми фримарчили, я Кирил вишменованый менялем коня вороного на три ноги белоконытого, лѣтомъ осмим добеглого, на молочня, за которим еще взялем додатку копъ десят личбы литовских и грошей литовсъских. Прето я пану Денису Купреенку шлюбую, же не ест краденый, а ежели бы мѣл хто знатися до того коня, где бы мѣл пан Денис копу тратит, а я поднѣмаюс своих коп двѣ там ставит, а пану Денису волно тим конем, яко хотѣт оборочат, волно продат, дароват и фримарчит. А для лѣпшое вѣри и памяти казалесмо тое до книгъ меских записат.

92.

Максимъ Москаль изъ Кіева признаетъ, что укралъ деньги у Кіевскаго мѣщанина Ефима Саливонова.

Року Божего 1661, июня 31.

Пред нами Григориемъ Гаркушою, сотникомъ Баришполским и при мнѣ будучими паном Григорием Малишенкомъ войтомъ из бурмистрами, ставшы очевисто Евхимъ Саливоновъ мешчанин Киевъский, ускаржался нам на Максима москаля Киевъскаго, которий у мене взяв грошей пят талярий литовскихъ а рудих копѣкъ коп 12, которого найшолемъ въ мѣстѣ вашомъ. Которого, на прозбу его, оддали до вязеня; которого москаля отдавшы, тен Евхим из мѣста нашого пошол, отдавшы до везенія; а бачачи же тот покинул того вязня, посилаемо до Киевского маестрату, ознаминивъши

о томъ вязню и о той справѣ. Маестрат на нашу волю спустил. Прето мы чинимъ его от везеня волним, а тому москалеви за свое таковое турбованя волно як хотѣт чинит з тим Евхимом. Еднак признался тот москал сам в дому пана сотника виш (мѣнованого) и при Гнату началном чоловѣку и при иныхъ людяхъ зацных, же взял тие гроши. Що ми для памяти казалисмо записат.

93.

Полковникъ Борисполськiй Григорiй Горкуша забираетъ хуторъ въ Требуховѣ, оставшiйся выморочнымъ послѣ смерти Кирика, его жены и сыновей.

Руку тисеча шестсот шестдесят втораго, месеца февруария дня 20 четвертаго.

Я Григорый Горкуша, полковникъ на тотчас будучый Барышпольский, маючы повѣсть о кгрунтѣ, лежачомъ в селе Требуховѣ, который пустовалъ през час немалый, то ест отумерщина, аже тот Кирикъ вимер из жоною и всѣмъ щадкомъ, а за их души жадных не було офер до Господа Бога, прето я, уподобавши тотъ кгрунтъ, а бачачы, (иж) жадные их покревние до того кгрунту не находятся, умыслилемъ, абы за ихъ души был служоный сорокоуст, то ест за самого Кирика, за жону его и за сынов его два, то ест за 4 души уедналемъ отца Симеона священника Требуховскаго за копъ 14 за тие чотири души, а на церковъ Божию далем коп шест, то ест далем за тот кгрунт Кириковский всеѣ сумы коп двадцат личбы литовское, при людяхъ зацныхъ и вѣри годныхъ, то ест при пану Николу, сотнику броварскомъ, при пану Матвѣю Молявченку, сотнику Дудерковъскому, и при пану Лукъяну Слушченку . . . . . , при пану Яцку Антоненку, и упросилисмо их милости пановъ магистрату, абы тую мою куплю приняли и записалы до книгъ меских, для вшелякого даня вѣри каждому враду тепер и на потом будучим. Що пан Григорий Малишъ, войт, з бурмистрами, на прозбу мою тую, мою куплю казал до книг меских записат; а минѣ

юж од сего часу и дня, юж волно будет тим футором владет, яко властностю, волно ми юж будет продат, дароват, на церков оддат и яко хотѣт ведлуг наилѣпшого своего пожитку оборочат, часы вѣчнымы. Дѣялос в ратушу Барышполским, року, месеця и дня вишменованого.

94.

Бурмистръ Максимъ Таратута жалуется на козака Тишка за кражу жупана изъ мельницы отца Бакума, священника Свято-Пречистенскаго.

Року 1662, месяца новебра дня 22.

На врадѣ мѣском в ратуши Баришполскомъ перед нами Григорием Горкушою сотникомъ Баришполскимъ, Даниломъ Куликомъ атаманомъ городовимъ, паном Григорием Малишемъ войтомъ, Феску Бездѣтку, Василемъ Радошевскимъ, Федором Сенявскимъ бурмистрами, ставшы очевисто пан Максимъ Таратута бурмистръ, ускаржался на Тишка, козака з Березны, о украдене жупана з млина господина отца Бакума, священника свято-пречиского, в тие слова: пане рада! тен козакъ, будучи з нами тилко он еден, и немного з нами побувавшы, пошол, и в мене жупан новый изгиб. Прето мы, вислухавши тоеи жалобы, казалисмо шукат на томже часѣ, который жупанъ у его господѣ нашолся, перед конми у Максима атамана курѣнного; прето мы, углядѣвшы в реч слушную, же его то справа власная, же тот козак сотни Таганской жупан украл, а не хто инший. Тутже стоячи и Тимошъ козакъ не мог виводу з собѣ дати слушного, кидаючи то так, то онъ-як; а мы яко вряд, постерегаючи такого злодѣйства, казалисмо его березиною пробит. Которая справа до книг мѣских, для памети ест записана. А атамана Максима Курѣнного волным чинилъ от себе тот Тимошъ.

95.

Списокъ церковнаго имущества, отобраннаго отъ Свято-Никольскаго священника Корнилія, по приказанію сотника Григорія Гаркуши.

Року 1663, месеца ануарыя дня 21.

Вѣдомо чыним тым писанем нашымъ, теперъ и на потомъ будучимъ, ижъ мы, будучы выслаными до отца Корнилия священника святониколского для отобраня всялякого добра, отъ пана Григория Гаркуши сотника на тотчас будучого и всего посполства. Отобралисмо на перед крестъ сребный с столцем сребрным, кадилницу сребрную, келѣхъ сребрный 1, таблицъ 7 сребрных, а гривенок розне робленыхъ пят, мыска срѣбная, звѣзда срѣбная, крестиков малых 7, ягнусок еденъ; манѣсто коралове, крижиков сребныхъ два; червоный золотый; перетенков два: еден щирозлотный, а другий срѣбный; другое манѣсто копѣйковое из кришталями, локот чотыри и чверть; манѣсто третое коляровое изъ кристалями; Евангелие напрестолное, сребром оправне; аировъ два: еденъ злотомъ гафтованый атласовый червоный, а другий жовтый; воздушковъ малыхъ два; книга трофолой друкованый шестодникос; апостолъ Острозского друку; двѣ триоди, постная и цвѣтная, друкование; евангелие учителное; служебнык великий Киевский; мѣнея общая ключ; ермолой; псалтыра друкованая; паника(ди)ло спѣжовое; дзвонов пят; в Михала святого 6, а в Глѣба-Бориса еден дзвон старший; лихтаров 3 мосендзовых; лямпа срѣбная великая; лихтар спѣжовый стѣновый; замков 2: нутраный и надверный; у Мохомора грошей копъ пят литовское личбы, литовских; рызъ троѣ, ядомашковиѣ червониѣ, 2 атласовѣ друкованѣ, 3 нендзи убогой; нарукъвиц двоѣ; воздушков 4; петрахил злотоглавный; френдзлюв 2; завѣсовъ малых и великих семдесят и два; стихаров 2; полмисок 1, великий; лоханя мосендзова великая; лихтар спѣжовый другий; келѣх цѣновый един (с) сакраментом, оставилисмо у отца Есифа, а ложку отцу Корнилию; келѣх оловяный з позлотою малярскою; аир атласовый, злотом афтованый; крестъ деревяный; кадилница мосенъзова, отда-

лесмо. Пархомъ Малый. Федор Ковбаса, Мойсѣй Бурмак, Гаврило Михал(енко), Моисий Таратута бурмыстры. Пылип Скудеда, Сава Василевич, писар мѣский.

96.

Козакъ Омелько удостовѣряетъ, что продалъ мѣщанину Ониську Рудченку коня не краденаго и не доморослаго, а купленнаго имъ въ Переяславѣ у москаля.

Anno Domini 1663, miesiąca februaris die 5.

Przed nami urzędem mieskiem Chryckiem Maliszękiem woytem z burmistrami Wasylem Radiszewskim, Fedorzem Syniawskim, Feskiem Bezditkiem, Maximem Taratutą burzmistrami, stawszy oczewisto Omelko kozak woyska iego carskiego weliczestwa zaporozkiego, setni Słynkowey, wyznał iasnie, iawnie y dobrowolnie, w te słowa, żem przedał klacze białą za pewną y gotową sumę, za kop dwadziescia, liczby litewskiey panu Oniskowi Rudczenkowi mieszaninowi Baryszpolskiemu, slubuiąc mu, że nie kradziona y nie domorosła, ale kupiona w Pereiasławlu w moskala; przeto ten Onisko Rudczenko prosił nas, abysmo te kupie iego zapisali do xiąg mieskich; y dla lepszey wiary y pamięci kazał tego kozaka, ktory te klacze przedał yz iego zięciém, to iest Artuchiem, ktory mieszka na ulicy Chryszękowey, ktory slubował, że ta klacza kupiona, iako powiada moy szuryn. Co my urząd bacząc słuszne kupie, kazalismy zapisac y iest zapisano et ut supra.—Pry toi kupli buły mohorycznyki: Oniско брат Веремѣев. Мартин Ратушенко. Кузма Флигосенко.

97.

Маляръ Данiилъ продалъ свой домъ Ивану Андрiйченку.

Року 1663, июня дня пятого.

Перед нами Евстафием Подгайным, войтом з бурмистрами, из намы засѣлыми бурмистрами, паномъ Василием Носачомъ сетником,

Юськомъ Безъдѣткою, Даниломъ Куликомъ и инъшимъ товариствомъ, ставшы очевисто славетный пан Даниел маляр до книг мѣских нинешних ку записаню признал в тие слова: иж продалем домъ власный не пенъный и нѣкому нѣ в чом не заведеный зе всѣмъ будинком, як ся в собѣ мает, за певную и готовую суму за золотых пятдесят и пившеста, пану Ивану Андрѣйченку, до которого дому я Даниел не маю мѣти жадное потребы, и потомкове моѣ; толко помененый Андрѣй(ченко) мает оный двор спокойне уживати, и волно оному тот двор продати, даровати и як хотѣти оборочат, яко своим власным вѣчными часы. Што для лѣпшое вѣри и певности просили нас ураду выш мено ваного, абы тое признаня било до книг мѣских записано. Теди врад, видячи устное признаня Даниела, казали до книг мѣских Барышполских записати—што ест записано.

98.

Раздѣлъ огорода между Ганною Шолудченковою и ея ятровкою Романихою.

Року 1663, месеца июля дня 13.

Перед нами Евстафием Подгайнымъ, войтомъ з бурмистрами, ставши очевисто Ганна Давидиха Шолудченкова из Романихою ятровкою своею, мѣвши межи собою турбацию (о) огородъ в межѣ Гапонихи и Щербинихи. Прето мы углядѣвши сторонъ обох жалоби и на прозбу их казалисмо пану бурмистру (и) иншимъ людемъ, абы оглядѣвши того огорода и подѣлъ напол, безъ кривды межи ними учинили; що теж по подѣле пришовшы на вряд просили насъ, абы тое было до книг мѣских записано. Прето Ганна Давидиха мает спокойне и вѣчне, того огорода половину держат; а Романиха также из мужемъ своим половину тогож огорода; любо теж волно половину огорода из садом продат, дати, даровати як хотѣти оборочат часы вѣчными. А Ганна Давидиха не мает ню в чом ятровки своей вѣчными часы турбоват о наменшую рѣчъ; якож ся ей во всем сталося ятровки вишменованой. Прето стороне обѣ просили нас, аби тое было записано и ест записано.

99.

Судъ присуждаетъ возвратить Грицихѣ дворъ, который взялъ у нея въ залогъ въ 10 копахъ деверь ея Денисъ. Въ случаѣ смерти дитяти ея отъ Грицька дворъ долженъ перейти къ Денису.

Року 1663, июля 20 дня.

На вряде мескомъ перед нами Евстафием войтом из бурмистрами, такъже и от пана Василия Носача сотника зосланными на справу ниже мнованую паномъ Лукияномъ Коленкомъ, Андрием Колошенцом и иншими особами, ставшы очевисто Вувдя, по першому мужу Грициха, а по другом мужу Тишчиха из мужомъ своимъ, ускаржалася на Дениса девера своего, же он маючи двор ей власный на ню належачий, из сыном ей Грицком в долгу взятий, в копахъ десяти, не маючи на то жадною запису . . . . . Прето мы, вислухавшы сторон обохъ, приворочаемъ тот двор знову Грицисѣ из сыномъ ей, наказавшы Грицисѣ из мужемъ, аби Денису деверу своему гроши отдала, то естъ копъ десят, а по отданю грошей, южъ болше Денис до того дому не маетъ мѣти жадного дѣла и потреби, вѣчне до того двора не упоминаючы; а Грицисѣ невѣстце волно тимъ двором яко власным своим, яко хотѣт оборочат собѣ. Що для памяти просили нас, абы тое было до книг мѣских записано; що мы на прозбу их казалисмо записат и ест записано року, месеца и дня вишменованого, а меновите, дитяти небожчика Грицка, яко батковсчина, а по смерти дитяти, ежели мѣло бы умерти, знову мѣет брат небожчика Грицъка отложит, яко ближший над иншие тие коп десят за тот двор, яко теж иншое убозство, которое тепер ест на дитя отбрано, а не на кого иншого, так убозство лежачое, яко и рухомое, на которое мѣет реест пан Денис, щос после брата остало и якъ що невѣстка на дитя отобрала, а не на себе; але власне мѣет по смерти дитяти спадати на Дениса, яко близшого зе всѣх по брату. Що ест записано.

100.

Савва Коваль продалъ свой дворъ Яцку Танчику.

Року тысеча шестсот шестдесят третего месеца октобра 1-го дня. Перед нами Евстафием Подгайным, войтомъ на тотчас Барышполскимъ и зо мною засѣдаючими едностайне в магистратѣ бурмистрами Алексѣем Литовкою, Яковом Яцутенком, Мартином Плющиком, Левком Трохименком, ставшы очевисто, ясне, явне Сава Ковал вызнал в тые слова: ижем продал дом свой власный, никому ни в чом не пѣнный и не заведеный, зо всым будинком, якъ ся в собѣ мает, Яцку Танчику за готовую суму... личбы литовское и за осмачку жита; которому тот двор волно оному дат, продат и кому дароват, або заставит и як хотѣт обладат. А я оного двора вѣчне зрекаюся вѣчными часы, аби с потомковъ моихъ, або с приятелей не мел жаднои потребы. Теды стороны просили нас, абы тое до книг записано.

101.

Универсалъ гетмана Бруховецкаго о томъ, чтобы никто не обижалъ козака Павла Рустановича, котораго онъ беретъ подъ свою защиту.

Иванъ Бруховецкій гетманъ зо всѣмъ войскомъ его царского пресвѣтлого величества запорозскимъ.

Паномъ, полковникомъ, асавуломъ, сотникомъ, атаманомъ и всему товариству, такъ старшимъ, яко и черни войска его царского пресвѣтлого величества запорозского, а особливе сотнику, атаману и войту и всему посполству мѣста Боришполя до вѣдомости вашимъ милостямъ доносимъ: иж взялисмо подъ оборону нашу пана Павла Рустановича, козака полку Переяславского, хотячи того всего по вас мѣти, сурово приказуем, абысте помененому Павлови, тамъ в Боришполю в дому его и фолваркахъ, в конях и волах, и во вшелякихъ добрах, и в полях засѣяных, не важилис и не могли на-

меншое кривды и шарпанины чинити; а еслибы що и позабирано было по сей час, и тое все зараз поворочано было конечне, без жадное одволоки, ежели самъ тамъ захочет мешкати, албо тамъ кого пошлетъ, аби тех добръ его власных до з . . . . безпечнемъ здоровя своего былъ и нѣ от кого кривды и премовекъ не поносил; также хто ему зостают в долгу виннымъ, и тое отдавано было. Того всего той тамошний сотникъ, атаманъ и войтъ повиненъ постерегаючи, абы нас наменшая скарга отъ его не доходила; а еслибы Рустанович в чом мѣлъ кривду понести, теди за донесенемъ до нас скарги, онаго сурово на горлѣ карати без отпусту. Що иначей аби не было, под ласкою нашою и срокгимъ каранямъ войсковымъ. Дан в таборѣ под Переяславлемъ, юлия дня 24, 1663 года. Иванъ Бруховецкий звишменований гетманъ.

102.

Яцко Винниченко купилъ фольваркъ и грунтъ у Федора Капитаника.

Року Божего 1664, месеця 24 априля.

Перед нами Евстафиемъ Подгайнимъ войтом з бурмистрами засѣлими нижей описаними, становшы очевисте, ижъ Яцъко Винъниченко купил пулфарокъ до того и грунтъ належачий, у Федора Капитаника, то ест за суму за злотих полских шест. Мы узнавшы тое водлугъ наших реляций, яко судовых, зезнаемъ подлугъ нашого суду. Дѣялося 1664, месеца 24 априля. Евстифий войтъ. Алексий Сухоступский. Яковъ Яцутенко.

103.

Левко Трохименко заявилъ, что онъ выдѣлилъ пасынка своего Гаврила.

Року тисяча . шестсот шестдесят четвертого месеца июля дня двадцат пятого.

Передо мною Евстафиемъ Подгайнымъ и при мнѣ засѣдаючими одностайне в маестратѣ бурмистрами Яковомъ Яцютенкомъ,

Иваномъ Тихимъ, Мартиномъ Плющикомъ, Алексѣемъ Сухоступъскимъ, пришедши пред вряд нашъ Левъко Трохименъко визъналъ явъне и доброволне, ижъ изъ Гавриломъ пасинъкомъ своим едънание учинили, теды напрод Левъко дал пасынку своему пашнѣ мирокъ три всехъ, шкапу рижую дал ему и вола рижого, телицу и овецъ четверо, свиний двое далемъ ему, пулкопы конопелъ, полкопы ліону, сорочку жоноцкую и плахту далемъ ему, все то поддаваломъ ему. Теды просил нас, абы тую справу казалисмо до книг мѣсткихъ записат, абы болшъ не турбовалъ Левъка Трохименка, бо было притомъ людей зацънихъ и вѣри годныхъ; былъ при томъ Курыло резникъ, Молявъчанка два были и инных немало было. Теды естъ и записано в року и дня вишъзаписанномъ. (Писалъ Симион писар мѣсткий. Нижей подписаный полковый Переяславскій тот выпис выняты с книг мѣских). А мы прето уряд войсковый Барышполский, розумѣвши з него, же во всѣхъ пунктах ест виражный, которий яко слушъный и правдивый, цале ствержаем, а варуем, жебы юж болшей Гаврило з братом своим пасынка Левка Трохименка отчима свого в каждого суду и права под зарукою сто талярей; на що для лѣпшой вѣры и поваги, и печат полковую притиснено до того выпису. 1664 месеца апрѣля 27 дня. Юрий Миколаевич судя полку Переяславского, Тимушъ Хведоренко атаман Барышполский, Хведор Забузкий есаул полковый.

104.

Козакъ Стефанъ Чудновець заявилъ, что онъ отдаетъ свой домъ Данiилу Маляру съ тѣмъ, что послѣдній долженъ сдѣлать въ церковь Бориса и Глѣба образъ св. Николая и 2 хоругви и дать на церковь св. Пречистой 10 таляровъ.

Року 1664, октобра дня 15.

На вряде мескомъ, перед нами Григоріем Малишом войтом з бурмистрами, Ониску Крамару, Феску Бездѣтку, Василию Радишевским, Максимом Таратутою, Хведором Синявским, паном Данилом Куликом сотникомъ на тотчас будучим, с атаманом городовым

Сахном Розвискою, также и панами ктиторами Моисѣем Бурмакою, Федором Ковбасою, ставшы очевисто ку записаню до книг мѣских нинешни(х), Степан Чудновецъ, козакъ войска запорожского, вызналъ ясне, явне и доброволне в тие слова: жем продал домъ свой власный не пенный и нѣкому нѣ в чом незаведеный, который пред тим менилем на церкве Божіе отдати за доброе здоровие свое и жоны своей, также и родичовъ своих, и ведлуг тогож сумленя своего, продалем пану Даниелю малярови в тен способъ: же становил з ремесла своего образ до светих страстотерпцовъ Божиихъ Глѣба и Бориса, образ святого Николи, в сумѣ в золотих шестдесят, и корогов мѣет ставит до церкви, двѣ, в копах дванадцат, то ест всеѣ сумы талярей 30, а ведлуг его сумленя тую роботу собѣ меновал зл. 130; прето пану Даниелю малярови тим домом зо всѣмъ будинкомъ, яко в собѣ мается, волно якъ хотѣт оборочат, продат, дароват, любо тежи на церков отдат, волно заставити як хотѣт, ведлуг свого пожитку оборочат, часы вѣчными; а я, Степан Чудновец, жона и пріятеле моѣ до того дому не мают мѣти и мочи не будут жадного дѣла и приступу часы вѣчными. Прето стороне обе просили нас, абы тая купля была до книг меских записана; що ми бачачи слушност, казалисмо записат, и ест записано.

А с тоѣ сумы панове ктиторе мают отдати талярей десят на церков святую Пречисту; а гда тое отдане будет, тогди и то....

105.

Юсчиха Безлюдиха заявила, что она помѣнялась дворомъ и пляцомъ съ войтомъ Остафіемъ Подгайнымъ.

Року тисеча шест сот шестдесят пятого, месеца марта дня девятогонадцат.

Передо мною Давидом Верненком атаманом городовым, на тот час будучимъ, и пред нами бурмистрами Хведором Синявъскимъ, и при нас сидячих товариствѣ Сахну Розвалци, Миску Шкураенку и при Гарасиму Дюгтяру ктитору Глѣбоборискому,

ставши пред нами врядом обаполним, Юсчиха Безлюдиха, визнала ясне и доброволне, без примусу жадного, тилко з доброи волѣ, иж изимѣняла двур свуй власний ни в чомъ никому незаведеный, стоячий в мѣстѣ, край Волочаѣхи, з вуйтом Евстафѣмъ Подгайнымъ на двур, и пляц на пляц, тилко вуйтъ зберет комору; и додалъ вуйтъ Юсчиси чверть жита и золотихъ 4, гроший, а жито на тотъ час было по чтыри золотих а осмачку мѣетъ дати в новину, теди вуйту якъ своим добром, як хтѣт оборочат, дат и продат и колвѣкъ кому дароват. Теди просит Евстафѣй Подгайний нас, абисмы казали в книгах мѣских записат — що теж ест и записано. Было на тотчас людей и вѣри годних: был Гарасим Костенак (?), Яцко Поташко. Дѣлалося в Баришполѣ року и дня виш(меноваго). Писалъ Симеон, писар меский.

106.

Разводъ Лукьяна Лихолапа, съ женою за то, что она осрамила его, укравши одежу у Носачихи.

Року тисеча шестсот шестдесят пятого месеца мая дня двадцат третего.

Перед нами зосланными от пана полковника, Павлом Косинченком а Хведоромъ Стрѣлою, и при мнѣ Давиду Верненку атаману городовым, на тот час будучимъ, и при мнѣ Евстафѣю Подгайным войтом на тотчас будучомъ, и при мне сидячих в магистратѣ едностайне бурмистровъ Матвѣю Шумѣ, Роману Мовчану, Хведору Синявъскимъ и при иных людехъ зацных и вѣры годных, при Симиону Светличном, Сидору Полонченку, Верне старом, Веремѣю Левченку, ставши пред вряд наш едностайне Лукян Лихолап, обывател Боришполский, просил нас, абы мы дали ему писания, иж бы он напотом не мѣл жадной домовки, иж в небытности его, жона его взяла курту в Носачихи способом краденя. Теди право на тое было и даровано еѣ всѣмъ жадною карностю, Носачиха . . . . . вая мовит: же я не настою, а мир вес ед-

ностайне крикнулъ: же той не настоѣтъ, кому шкода, а намъ нащо? Теди питалисмо Лихолапа, мужа еѣ, чи приймеш еѣ собѣ за жону, якъ былисте впрод и тепер бути. Теди Лукиян отповедил иж пане вряде! я не хочу еѣ мѣти собѣ за жону, кгди она с тих злих речий виводу себѣ не даст, а ежелибы дала вывод, же не она тому ест причинцею, можнабы тому рѣч, а тепер еѣ цураюся и не хочу за жону мѣть; а дѣти моѣ, при мнѣ нехай зостают. И просил нас о писания. А болшъ он неслави на собѣ не мочи носит, як цнотливымъ былъ, и тепер цнота его ни в чомъ не нарушона. иж он як зацным пред ним был и тепер зацный. А еслибы хто мѣл важится ему на цноту, на собѣ сам понесетъ. Теди мы зосланние выслухавши мовы его: „иж я цураюся еѣ“, казалисмо оное дѣло признат и писару записат, що теж и ест записано. Было на той справѣ людей зацних, и вѣри годних, былъ при том Ониско Рудченко, Петро Перехристъ. Дѣялося в Борисполѣ року и дня вишъписаного. Писал Симеонъ писар рукою власною. Павел Косиченъко. Григорий Стрелка писар городовий Переяславъский. Зосланные на тую справу для прислуханя и роспоряженя оною, казалисмо руки свои подписатъ до того декрету, для лѣпшого сведецтъва.

107.

Иванъ Депта купилъ хату у Дениса Кузьменка.

Anno domini 1665, miesiąca augusta dnia dziewiątego.

Przede mną Eustafem wuytem na tenczas będącym, a przy mnie będących burmistrzow Matwiem Szulhoin, Romanom Mowczanom, Chwedorem Syniawskim, Andruszkiem Łysym, stanowszy przed nami oczewiscie Ywan Depta, prosił urzędu naszego yż by do xiąg był przyniaty ten zapis w ten sposob: isz kupił za swoie pieniądzy yzbę ze wszystkym prawem od Denisa Kuzmenka za złotych dwadziaścia, tylko pola, należy do tego dwora młyniszcze. Tedy on prosił yż na wieczne czasy nie wtrącał się w to, wolno

Ywanu Depcie dac, przedac y darom komu dac, a ia nie mogę, ani żona ma y ni żaden z pokrewnych mych w to. Tedy my urząd słysząc, kazalismy pisarzu w xiążkie zapisac, co też iest y zapisano. Działo się w ratuszu Baryszpolskim roku y dnia wyszopisanego

Pisał Simien pisar mieskij ręką własną.

108.

Иванъ Соколъ купилъ ниву у Гапки, Самойловой сестры.

Предо мною Евстафием Подгайным, на тотчас будучим войтом, и при мне заседаючим бурмистрами Матвѣю Щоце, Хведору Синявским, Андрею Малому, зознал ясне, явне и доброволне Иван Сокол тими словы, жемъ купил ниву у Гапки Самойлови сестри за готову суму готових грошей личби литовскои, золотихъ дви. Но счо просил нас, абисмо тое казали до книг меских записат. Ивану Соколу волно ему, якъ свое власное, волно дати, дароват, любо на церков дат. Был при том делу Лаврѣн Дудка, Андрей Даниленко и иншихъ людей зацнихъ и вѣри годныхъ. Що есть и записано.

109.

Богданъ Дегтяревичъ продалъ свой пляцъ Ивану, Гордѣенковому внуку.

Року 1666, месеца марта дня 13.

Передо мною Евстафѣемъ Подгайнимъ вуйтом на тотчас будучом и при мнѣ сидячих бурмистров Матвѣя Шулги, Романа Мовчана, Хведора Синявского, Андрушка Лисого, пришедши пред вряд наш славетне урожоний панъ Богданъ Дегтяревич вызнал ясне, явне и доброволне в тот способ, ижъ продал пляцъ свой Пузѣковский, лежачий на киевском гостинцу, Васил Залузненко помѣжку, за готовую суму за золотих девят Ивану, Гордѣшоному унуку. И просил нас вряду Иван, абисми казали писару записат, иж бы вѣчними часы не могль его Богданъ турбоват, не вин, не жаден

с покревних его. Било притом людей зацних и вѣри годних, бил при том Дорош ктитор Пречиский, повберчие в рогу том сидячие, Хвеско Товстенко, Иван Матюш, Еско дяк Михайловский и з инших немало зацних людей било. Дѣялос в Барышполю року и дня вишписаного.

110.

Веремѣй Левченко продалъ огородъ Тимошу Щербиненку.

Року 1666 месеца апрѣля 5 дня.

Перед нами врядом мѣским Баришъполским, передо мною Веремѣмъ Левченком войтом Баришъполским и при мнѣ будучими буръмистрами, Есифом Зѣниченком, Марком Левченком, Федором Никузою, Анъдрѣем Щербиненком, ставши очевисто Веремѣй Левченко, ку записаню, ижъ продал огород Чорнушинский за пят коп Тимошу Щербиненку вѣчными часы, волно ему будет дароват и продат не повинен его о то туръбоват, що для памяти казалисмо до книг мѣстских Баришъполскихъ записати — што естъ записано.

111.

Дѣло объ убійствѣ довбиша изъ полка Думитрашка-Райчи Василія Иваномъ Кученкомъ.

Року от Нарожена Сына Божого тисеча шестсот шестдесят девятого, месеца ноеврия 14 дня.

На ураде войсковомъ на тот час будучи в Баришполю, мною **Иваном Новаковичом** [1]) сотником Баришполским, Василием Волочаем атаманом городовым Баришполским и при битности пана Григория Рубаника и Ивана Лужецкого з раменя его милости пана Думитрашка Райчи, полковника войска его царского пресвѣтлого величества запорожского, Переяславского, на тую нижей вырожоную

[1]) Потомки сотника Новаковича до сихъ поръ проживаютъ въ Борисполѣ.

справу висланих; также и пред славетными особами, паном Романом Мовчаном вуйтом Баришпулским, Романом Пятником, Алексѣемъ Литовкою бурмистрах, с притомностю иних многих особъ и товариства, на тую справу едностайнє заселих, приточилас справа межи двока особами, то ест межи . . . . . а то в такий способ: иж в року нинейшом 1669-мъ, ноеврия числа 11, именем зовемии Гнатко Буримко и другий Гришко Скрипченко, обивателѣ Баришпулские, за пилною потребою своею поехали были до бору; а не далеко отехавши от фолварковъ обачили труп чловечий въ ровѣ, свѣжо забитый и тиранско замордований; котрие будучи такъ доброго сумненя, взяли оний труп на свой воз, з тим вернулися и впровадили до мѣста. О которое забитя оного небожчика в мѣстѣ Боришполю стался опит, а о збойци пилное отшуканя; где натихмѣстъ з межи посполства пришедши именем зовемий Карпъ Котлярчикъ приглядуючися, оного забитого опознал, же тот небожчик десятого числа ноеврия з другим чловеком особистым, на едном возѣ в бору ехали, простуючи ку Боришполю; а кгди з тих слов оного Котлярчика пилный опит о таком збойци стался, аж винайдено такового в господѣ юж пяного, меновите у Яцка Окрайца, которого снат же невинная кров затримала и обявила а таким способом, же пріехавши въ господу тот збойца Иван Кученко купил казан горелчаний у Сидорычихи за злотих девят и шест грошей литовских в Баришпулю, а справуючи собѣ и иншое дѣло хотѣл выехать з мѣста; але му Богъ не допомогл, зостал пойманым. А кгды был от нас уряду питаний, яко и тепер потвержал, з яких то мѣр он такое забойство учинилъ и як з тим небожчиком знался и з якое причины, абоби з намови, або з чиею помочю тот злий учинок пополнил. Теди так оний вишвспомнений збойца доброволне сам до того своего злого дѣла сознаючися признал и повѣдѣл, же мешкаючи с тамтого бока, под Мотовиловкою час немалый, отишол був на мешканя под Кремянецъ, а потом вернувшися от тамтои пришов на Заднѣпря до Броваров; а мешкаючи там ездив до Киева в потребе своей, а злучившися с тим то небожчикомъ в Киеви, взял его на свой возок; которий то не-

божчикъ менил себе по именю Василий а з кампанѣи пана полковника довбишъ. А пытался Думитрашки, а за перевоз до Броварув, або и далей, мѣв ему заплатити; аже мя правѣ грѣхъ споткав, учинилем тое забитство з причины тогож небожчика, кгдиж он первей до мене, которого подолѣвши пришиб обухом, потом хотячи тот свой учинок утаити и до остатка до смерътим оного праве привел и в ров уринул, где от Боришпулских людей и найден. Зачим мы, вишпомененый уряд, вирозумѣвши и пилно вислухавши доброволного признаня менованого збойци, поневаж сам свой злий учинок на собе визнал, казалисмо тое до книг мѣских Баришпулских записати, що ест и записано, року и дня вишменованого.

112.

Судъ надъ укравшими чужія вещи во время пожара въ м. Борисполѣ Кондратомъ Федоренкомъ, Фескомъ Федоренкомъ и Юркомъ Андрѣенкомъ. *(Актъ не окончень).*

Року Божого 1669, месеца ноеврия 17 дня.

На вряде нашом права майдебурского и ратуша Барышполскаго, предо мною Иваном Новаковичом сотником и при пану Василю Волочаю атаману городовом Баришполским на тот час будучим, так теж и зосланим от боку его милости пана Думитрашка Раича пана полковника нашого Переяславского пана Леска Коломийченка и Олекси пушкара для прислуханя тоеи важнои справы так теж и пред Романом Мовчаном войтом Баришполским и при мнѣ засѣдаючих в лавѣ бурмистровъ паном Олексѣю Литовки и Роману Пятнику и при бытности славетне урожоных козаков, яко мещан на имя Матвѣя Шулги, и Лаврѣна Федоровича, и Давида Верненка, и Данила Михайленка, и иних людей зацных и вѣри годних, приточилас справа под час презреня Божого, як мѣсто наше горѣло, и там зас многие люди, едни Бога боячис ратовали людей в таком великом утрапеню, а тот зас Бога запамяталий на имя Кондрат Федоренко ис Феском Федоренком и с Юрком Андрѣенком и с по(мо)чниками своими убоства чужое позабѣрали в

чти годливых козаков, на имя в Кирила Дюгтяренка в другого Костюка, которое то убоство в звишменованых злочинцов в ѣх схованях понаходили, що и вес мир под тое каране Божое своих убоств поотпалое, казалѣ до судов правних засѣсти и ведлуг права майдебурского а в статуту оказанной таких карат, теди ми уряд наш увес звишопѣсанний, казалисмо писару статут отворит пред звишописанним урядом, яко и людми зацними, и там в статуту указует в артикулѣ 20 и 6 роздѣле 14, а гдеби теж найдено по огню хотяй би теж в обчого чловека знайдено, щоби в той час сгинуло, коли горѣло, если там, под тамтим правом, у которого такую речъ знайдут, мѣют справедливости просити на злодея, а коли ся слушне не виведет, аби бил на горло скаран, ведлуг звишописаного роздѣла.

113.

Грицько Плугатарь укралъ копу овса съ нивы у Каленика Лещенка.

Року Божого 1670 октобра 17-го дня.

Передо мною **Федором Волком** сотником Барышъпольским на тотчасъ будучим, и при Василию Волочаю атаману, и при Иосипу Анъдрониченку вуйту, и при Федору Синявскими бурмистру, и при инших зацних мещанех, так теж и козакохъ, при тои справѣ будучих, приточилася справа межи Калеником Лещенко, у которого на ниви овса копу украдено; теди свидки признали пред нами же: Грицко Плугатар приходил до Лещенка у дом прохати, перший свѣдок Иесипъ Дранникъ, другий свѣдокъ Петро Скабий, третий Иванъ Дубинич погоничъ Лещенковъ, же що повѣдил, же Каленикъ Лещенко на том мѣстъцу сиялъ овес и казал зженником пожат; теды зженники нажали копу и снопув два. У килка дни том овесъ з нивы згинулъ; теды у Плугатара знайденый. И приходил у дом Плугатар просит Лещенков. Що мы уряд выслухавши тую справу казалисмо записат що теж у записано. Писано року и дня вышей писаного.

114.

Раздѣлъ имущества между вдовой Гапкой и свекромъ ея Панькомъ Черевченкомъ.

Року Божого 1670, месеця неевриа 18 дня.

За вѣдомостю его милости пана Думитрашки Райчи полковника войска его царского пресвѣтлого величества запорозского Переяславского, приточилас справа пред суд нашъ, мене Юря Миколаевича судю полкового Переяславского и при битности славетних панов и товариства пана Хведора Забузкого есавула полкового, пана Петра Романенка, панов Олехвѣра, Максима сотников, пана Тимофѣя Хведоренка атамана городового Баришовского и притомностю пана Ивана Новаковича сотника Баришполского, Василя Волочая атамана городового Баришполского и з иними особами Баришполскими, яко теж и иншими персонами при сей справѣ будучими, иж скаржилас жалобливе Гапка вдова обивателка Баришполская на Панка Черевченка свекра своего, обивателя тож Баришполского в тои мѣре, же онъ свекор по смерти малжонка еи а сына своего отправуючи еи отъ себе на свое господарство, любо через суд всего уряду Баришполского, ведлуг слушности давши юй бидла овечок, пашнѣ бив удѣлив, теди тое иначей судом же уряду Баришполского отменит афектовав, и що правѣ мнѣ дал овечок, бидла, свиней и пашнѣ тое, жеби знову по половицѣ поделивши от мене отобрати и кому иному до зросту дѣтей моих отдати; а собѣ зоставилъ свекор муй овечек девятеро, и к тим казан и грошей золотих пят, на знак памятки сина своего а малжонка моего, я в том не пречу, тилко забегаючи кривды своеи жеби мене в тои худобѣ, з которою мене от себе отправил, знову не ущербляв и не нарушил, на том милостей ваших правного варунку и россужденя покорне прошу. Панко Черевко за приволанем невѣстки своеи Гапки, отповѣд такую даючи, повидѣл: Папе уроде! иж яко уряд наш Баришполский, сотник, атаман з товариством, войт з мещани, чинил межи нами росправу, и я на том не пречачи, овшем, ведлуг наказу, свою невѣстку отправилом и далем юй овец семнадцят, ко-

рову, волов два, свиней трое, жита осмачок шест, овса три осмачки, гречки осмачку, гороху полосмачки, засѣву жита осм. три, поля на пахане нив пят, хату в мѣстѣ, жебы собѣ, где пойдет замуж зобрала з плецу, а поки не пойдет, жебы в ней мешкала спокойне; до господарства тиж, яко потребную реч, далем юй и жорна. А собѣ, через узнаня суду и уряду нашого, зоставилем овец девятеро, казан горѣлчаний, грошей золотих пят на отправу небожчиковскую, тое на увагу милостий ваших пущаю. Зачим я, увес уряд вишменований, уваживши, поневаж оная Гапка давала справу, що з небожчиком малжонком своим, любо при свекру, през лѣт десят мешкали, однак з особна працею своею худобки собѣ нажила, а тепер би знову не того, що дал, половицу на дѣти усилует отобрати, наказалисмо з одностайнего а праве згодного суду нашого, нинешним декретом нашим, аби оний Панко, поневаж що на знак сыновний памятки от невѣстки своей отобрал, на том жебы и переставал, не чипаючи юж болшей невѣстки своей; также и оная Гапка невѣстка его, що собѣ з отправи от свекра своего худоби, котрая ся вишшей меновала отдержала, на той абы переставала и тим ся контентовала, и яко хотячи тую власност свою ку доброму пожиткови своему обернула и користовала, не вимагаючи юж болшей едно на другом, так Панко на невѣстцѣ своей, любо бы и безпомошне ся зостала; яко теж и тая Гапка свекра своего из своими потомками, его самого и по нем потомков его, не турбовала, але жеби кождое з своего ся тѣшачи, без всяких турбаций и правних заводов жили спокойне, под закладом вины на упорную сторону коп литовских сто до шкатули войсковой. Который то декрет для вѣри и далшого межи ними (?) покритим нашим писмом ствердивши, при подписѣ и притисненям печати судевой полковое, выдалисмо. Писан в Баришовцѣ, року и дня звишменованого.

Юрий Миколаевич, судя полку Переяславского.

Тимош Хведоренко атаман Баришовскій.

115.

Утвержденіе раздѣла между братьями Федоромъ и Борисомъ Бурмаченками и вдовою дяди ихъ Мойсея Бурмачихою.

Року 1673, месеца Ноевріа дня 6.

Становили очевисто перед нами, передо мною Иваном Новаковичомъ, на тотчасъ бывшим сотником, Нестором Помашным атаманом городовым и при нас будучи заселыми на тот час Давыда Верны и Тишка Петровича Москаленка; также и при нас заселыми на тот час Федора Романовича войта и колекги его Андрея Мухомора и Федора Бездетки, и Федора Козокола, и Грицка Березенка, также и мещан при них будучих Федора Задыхайла, Федор Бурмаченко и Борис Бурмаченко, иж будучи позосталис по отцови своем у и през час немалый будучы жыли из собою и робили до купы заробляючы собе збирали; потомъ подруже собе знележши упатрыли собе же не ижити в одном месте промежку собою, чынили подел промежку собою при людех добрых и вери ходних, мяновите: при Василю Костенку а при Васылю Радишевскому и при Олексу Прасолу, мяновите: Федору брату двор Чудкончовский з винъницою, из колодезем и иле що до того двора приналежит; яко що ест поля во всехъ рукахъ и зо всею теперешнею озимою по половине; кобыла вороная томуж Федору, корова старая половая, бык перестый и корова рыжая половая свиней отдавшы Федор брату Борису четверо, то вси его; Борису брату плац дедовский и батковский зо всим и з садомъ, кобыла рыжая, корова гнедая, вол один седый, другий рыжий, назимков двох, то Борису; а що ест кон гнедый, того продавши, то долги мают поплатити. Матфею брату корову самотрет, кобыла, свиней двое; на . . . . ниве жыта отнут, на Голубенченковой ниве жыта отнут, половину нивы за Груздовкою, на Капустине нивя на тры дни, на Салковской дорозе а два дни, на Кнегинине уся нива; тое все Матвѣю. Моисеисѣ дяд(ино)й, отрубом двор у мѣсти, под ратушы, зо всим будинком и плец; корову ребую ис телем, до того подтелок; свиней трое, старая одна, малых двое; у засеве, ув озимине и в ерыне четвертая

част жыта на три дни до жнив дали; тое все ей Бурмачисе дошло, що приналежало. Що и те Бурмаченки становшы, так и Мойсеиха Бурмачиха, видечи, же подѣл ровный стал каждому, же од мала, до веля каждому дошло заровно, просили нас ураду, абы мы до книгъ мейских записали подел ихъ, и тое положили утвердити в записе, абы братя Бурмаченки от того часу, за ойцызну, за подел один до другого не мают мѣт жаднои справы вечными часы; также и дядиная не мает мет жадной справы о той подел. Который той подел ихъ чуючы, и просечы ихъ, абы до книгъ месских майдобурскихъ записали, що мы казали за писат; що ест записано року и дня вышей писаного.

Пашня, що ест готовая Федор з братом Борысом мает поделитися по половине.

116.

Степанъ Дегтярь продалъ хату Феску Кирилишиному зятю.

Книги за Харка Куранду.

Року 1674, месеца априля 12 дня.

Передо мною Харком Курандою и при мнѣ едностайно засѣлыми бурмистрами Иваном Тимошенком, Грицком Малишенком, Савъкою Захарченком, Миском Ходорковъским, ставшы очевисто Степан Догтяр созналъ доброволне, ижъ продал хату в мѣсти, которая лежитъ берегъ Шнурчихи, Фескови Кирилиному зятю за полсема золотого; уже ему от того часу волно тои хати спокойне заживат, продат, дат, дароват и яко (в) наилѣпъши свой пожитокъ обернут; а я вже самъ, жона и дѣти, и всѣ приятели мои до тои хаты жадное справы вѣчъными часы мѣти не маемо. О што просили нас, абы тое было до книгъ записано що есть записано.

117.

Васько съ шуряками купилъ ниву у Сидора Чирвы.

В року 1674, месеца июля дня 4-го.

Оповѣдал нами урядомъ, предо мною Павлом Стетченком войтомъ з бурмистрами Андрѣемъ Мурмаркою, Хведором Синявъским, Грицъкомъ Лапѣгою, Василѣм, в лавѣ засѣдаючих, мовячи: „Пане враде! купилисмо ниву заедно изъ шуръяками своими Гришкомъ и з братом его Иваномъ, в Сидора Чирви, жителя Трипулского на днюв чотири, за золотых два, при могоричниках Хвеску Рубашномъ и инших (не)мало людей зацъных; которий то Чирва признал, же свое власное прадал, нѣкому не пенъная нива, не заведеная, але его власная; до которой то нивы не повиненъ такъ реченый Сидоръ вповинатся, жона его и дѣти его вѣчными часы. А Васковѣ з шуръяками тая нива по половинѣ зостават повинъна, волно им тоеи нива любъ продат, заменят и на свой пожиток оборочат, якъ своим власнымъ. На що для лѣпное вѣри поставилисмо помѣж ними, з едного боку Хвеска Рубашного, а з другого боку Левка Куменка. (Мы, вряд) учувши доброволное их признане впросили нас, абы до книг месцкихъ приняли и записали, що ест и записано. Писанъ в ратушу Борисполскому року и дня вишъписаного.

Звышъменованый врадъ Борисполский. Евстафий Васченъко, писаръ, рука власная.

118.

Мойсеиха Бурмачиха продала свой дворъ Харку Шаповалу.

В року 1676, месеця апрѣля дня 22.

На вряде мѣста Борисполя, пред нами, предо мъною Ионисимомъ Миневичомъ войтом из бурмистрами Грицко Мовчан, Пилипъ Василенко, Анъдрею Мурмарцѣ ключнику и завѣдомом пана Ивана Новаковича сотника, Ивана Шорсткого атамана городового и при могоричниках Хведору Синявскому на тен час побѣрчого, и

при товариству, сторони козацькой Гишко Тарануха а Миско Шкурка, Иван Бугай, Сомко Винъникъ, могоричники и прислуханя тоеи купли, яко тижъ и продажѣ, Романъ Пятникъ и инъших людей зацнихъ и вѣри годнихъ. Чинила явно и доброволне Мойсеиха Бурмачиха бывшая, а в тот час Дмитриха, ижъ, мовит, пане врадѣ! продалашъ дворъ свой зо всѣмъ, такъ комора из сѣнъцами, стоячий близко ратуши, а з другой стороны Нагишенкова, за суму готових гроший, золотих пятдесят, которой то суми далам готових гроший копъ десят, а мѣю отдат о Нароженю Христовимъ копъ десятъ безъ полкопѣ, даст ли Господъ в року 1677 мом; которий то двор не пѣнний, не заведений, але свой власний позосталий по мужу своем Моисею Бурмацѣ, которий то дворъ легкую пану Харку Шаповалу вѣчностъ, волно ему тот дворъ изъ жоною своею Маръею продат, дароват, заменят, у своим дѣтем задержат, и на свой пожиток обернут; а я, такъ сама, яко родичи мои в тот дворъ впручатся (не мают); а хтобы мѣл, повинен мененный Харко до мене вдавати. Мы тежъ яко вряд, обохъ сторонъ, которие просили нас, абы до книг мѣских принято, що ест и записано. Писан врадовне року и дня вишписаного.

А хто бы мѣл въ тот двор впират, на такого заруки на их милост закладам, заруки золотих 100, во южъ право было на тое от родичов.

119.

Василь Осипенко долженъ отдать корову сестрѣ своей Ганнѣ, женѣ Марка Демченка.

В року 1676, месеця марта дня 31.

На врядѣ мѣскомъ в ратушу Борисполскомъ, пред нами, предо мъною Иваном Новаковичомъ сотникомъ Борисполским, Иваном Шорстким атаманомъ городовымъ и при нас товариству, Иван Горкун, Прокопъ Семененко, зосланого до книгъ запису, Лукян Гриненко, Яцко Анътоненко, инъшого товариства немало и при быт-

ности пана Онисыма Миневича войта из бурмистрами Грицко Мовчанъ, Пилип Василенко, Анъдрей Мурмарко ключникъ, припозвалъ был Марко Демченко Василя Осипенка по смерти отца и матки его, шурина своего, таким способомъ: ижъ вноминался, яко звычайного за дѣвкою бывает, который то отецъ его дал был ему корову за дочкою своею Ганною, сестрою его; теди того часу не принял в посягу, по смерти отца его вноменулся в шурина своего Василя. Зачимъ наказалисмо ис права, жебы дал оную корову мененной сестрѣ его, що такъ ся и стало, же мусилъ дат; зачимъ погодилъ Василь зятя в вѣчност, который болшъ не повиненъ турбоват, такъ жона и дѣти его, приятелѣ близкие и далекие вѣчни(ми) часы. А еслибы теразнѣйшого, любъ потомные часы Господь Богъ Василя обернулъ, яко теразъ часи небезпечние, любъ на войнѣ, любъ где колвекъ Богъ духа приймет, отписует убозство свое жонѣ своей Хими позосталое, на що мают росправит люде; част мает зостават жонѣ, част мает зостават на церков Рождества Богородици. А если даст Господъ потомство мънѣ, то оному повинен вес . . . . . зостават, такъ двор, зо всѣмъ приналежачим, яко и поля и лес где ест, а и тое припоминку зостает, еслибы мѣлъ Господъ Богъ изъ неволѣ бисурманской Пылипа, брата его старшого, мает част зостават отцевщины и оному; а если южъ по смерти зоставатимет, вся мает част тая мененная на церковъ Пресвятой Богородици зостават, що потверъжаю повторе и проклятство кладет, еслибы еще мѣла, такъ кости отца их и матки порушат, любъ и Василя турбоват, любъ сестра его и хто колвекъ, такового зватимут на страшный судъ, пред нелицемѣрного Судию, который будетъ судит живых, и проклят будет в семъ и в будущем вѣцѣ. Що для лѣпшое вѣри и певности казалис(мо) до книгъ мѣских записат, що есть и записано. Писано року и дня вишписанного.

120.

Кіевская жителька Галя Семениха Дяденчиха выдаетъ росписку жителямъ м. Борисполя въ полученіи денегъ за порохъ, взятый у ея мужа во время войны «першого шеремета».

Року Божого тисеча шѣстсотъ семъдесятъ семого, месеца марта дня 24.

Я, Галя Семениха Дяденчиха, жителка Киевъская, чиню вѣдомо симъ моимъ писмомъ, кому бы о томъ потреба будетъ, ижъ я вишъменованная Семениха изгодившися о дулг слушный вчинивши изъ жителми Богоспасаемого града Борисполя, такъ козаками яко и мещани, за порохъ, который брали в Семена Дяденка мужа моего небожчика, подъчас войны першого шеремета, который наступуючи на оно реченное мѣсто Бориспол, при котором и мы зостаючи, зо всѣмъ своим маеткомъ, мѣлисмо порохъ, зачимъ того часу, до того пришло давалисмо тот порох не рахункомъ, бо кожному о здоровя и о души шло, хто тилко на тое способний был до бою, а звлаща огнистой стрѣльбы, брали не вагою, зачимъ мнѣ позосталой по мужу своем, давалам позов на ихъ в мѣсто Бориспол, такъ до яспе велможного его милости пана Ивана Самойловича, пана гетмана его царского пресвѣтлого величества запорозского, якож и до его милости Войци Сербина, полковника Переяславского, от которих писма отримавшы показала, абы мени за тот порох погодили и заплатили; зачимъ тепер, завѣдомом пана Ивана Новаковича сотника Борисполского, Ивана Шорсткого атамана городового, Йонисима Миневича войта и бурмистрами Грицком Мовчаномъ, Пилипом Василенком, Анъдрѣем Мурмаркою, квитую, отримавши от них за тот порох суму цѣлую. которая мнѣ належна была, такъ козаков, мѣщан, якъ жон и дѣтей ихъ, не повинъна южъ болшъ поновлят за тот порох, такъ я сама, яко и приятелѣ мои, близкии и далекии, вѣчними часы; на що для лѣпшои вѣри и невности и правного попартя, казалам до книг мѣских записат, що ест и записано приюдне зацних вышей писанихъ. Писан в ратушу Борисполском, року и дня вышписаного.

При том квитованом писмѣ были люди добрие, Хвеско Нехорошенко хоружий сотни Борисполской, Микита Левоненъко атаманъ курѣнный пихотный, Грицко Васиченко, Ананас Гапоненко, Иля Радивоненко, Степан Вовнянка, Гордѣй Грищенко, товариство. Мищане: Евхим Бурънѣй, Тимушъ Приймакъ и инших людей зацних немало.

Звишменований вряд Борисполский Евстафий Ващенко, писар на тот час.

121.

Жалоба Ивана Марченка на Танчичку Яциху за нанесеніе обиды словами.

В року 1678, месеца июля дня 4.

Ставъши очевисто, пред нами врадом, предо мъною Лукяном Гриненкомъ, атаманомъ городовымъ, Анъдреемъ Муръмаръкою войтомъ и при бурмистрахъ Григорию Мовъчану, Ивану Гусаку ключнику, и при бытности Ониска Рудъченка Семен Попович шинъкаръ и иншихъ людей зацних много, прекладал жалобу Иван Ларъченко на тотчас бурмистръ в лавѣ засѣдаючий, мовячи: пане враде! дала мнѣ безчестя Яцыха Танъчичъка, жителка Борисполская, таковим способомъ: трафилос, мовит, мнѣ едъного часу изъ губилем был своего власного быка, которого знайшолемъ изъ Яцковим товаромъ Танъчиковым в полю, при пастуху его, и сталемъ питати: „где ти того быка взял?“ Который хлопецъ признал: в нас той бык, кажет, и ночует. Теди пыталемъ его: чомужъ вы старъшому не ознаймили?—Я, кажет, по килка разий въ старъшого опитывалемъся, не признался старший, жебы такого быка ознаймовал. Но тое хлопецъ отказал: и я господару своему казал, жебы старшому того быка ознаймил, теди мнѣ казал: непотреба, мовячи, небоже, ознаимоват старъшому; якъ ознаймимо, то в чоловѣка болшъ будет коштовати, а то якъ познает, волно ему будет взяти. На що мы врядъ, давъную его рѣч, що и с-щого початокъ тои справѣ стался, випитавъшы, казалисмо людей поставит. Теди поставил Стецъка Былиловъця

и Сахна Розвалку и Петра Сугоняку, которие признали, мовячи: Пане враде! была то правъда, ижъ Яцъко турбацию мѣлъ за того быка, за враду Лукяна Гриненка наказного сотника, в тот час на врадѣ были сего гетмана наставъляли, пана Ивана Самойловича, а атаманом былъ Ониско Рудъченко, которого, якъ моглъ годити изъ людми просил за тое, же в чужого быка вклепался, именно реченного Ларъченка, Остапъ Шолудъко, Стецъко Былиловецъ, Давидъ Верънченко и иншие, за реченный проступокъ Танъчиков просили и впросили. Мы тихъ выслухавъши яко врадъ першую справу, такъ от самого Ивана и от признаних питалисмо, що за причина тому, що тиразнѣйшого часу позовъ даешъ безбытности мужа еи Танъчика жону его; теди признал: словами, каже, пане враде, злими побликовала Яциха, мовячи: ти, каже, в нас купил быка за чехъ. За тое еи слово, позовъ далемъ, нехай мнѣ того доводитъ, жебимъ где, в кого, такъ дешево быка купилъ. На що, выслухавъшы жалобу его, казали издаватис на людей, що признал Грицъко Мовчанъ, Анъдрѣй Мухомор, Петро Новенъко признали в тие слова: говорила, кажут, пане враде, же якобы Иванъ купилъ в пастуха их Танъчикова быка за чехъ. На що казалисмо Танъчицъцѣ того доводит, чого и не довела, и такъ щекаючи якъ непоцътивою губою, и знову в свои уста побрала; для чого ис плачемъ людъми зацными годила из Остапомъ Шолудъченкомъ, Стецком Билиловцем, Стецкомъ Давиденком и зъ иншими людъми, Хвеском Гриценкомъ, Иваном Сухолѣсенкомъ, много. При той тежъ справѣ положилисмо премежъку ними за руку на пана полковника Переяславъского талярей сто, жебы не тилко отъ Яцъка Танчика, або от жоны его мѣлъ Иван оние слова, але естлибы от людей якие похвалки перечулъ, що бы мѣли они говорити, такой заруки не вводит. Мы тежъ, яко врадъ, вислухавъшы его жалобу и признане людъское, просили нас, абысмы оную ихъ справу до книгъ мѣских приняли и записали, що ест и записано. Писан в ратушу Борисполском, року и дня вишъменованого.

Звишъменований вряд Борисполский. Евстафий Ващенко, писар мѣский.

122.

Споръ между Иваномъ Кармазенкомъ и Пархоменками изъ-за грунта въ Иваньковѣ.

1678.

Приточилас справа пред вряд наш, **Лукяна Гриненка** сотника Борисполскаго, Василя Москаленка атамана городового, Ониска Рудъченка, такъже на тотчас без бытности атамана, наказним атаманомъ, Анъдрея Мурмарка войта из бурмистрами Грицка Мовчана, Ивана Ларъченка, Ивана Гусака, и при товариству Ивана Шорстского, Илъи Слипенкого и иншого много промежку Ивана Каръмазенка и Пархоменков, Грицка, и Хомы, и Анъдрѣя, за грунътъ, таковимъ способомъ: Трафилось еще живым будучи Муръмарцѣ, купил был в попа Иванковского отца Хведора, пляцъ за готовую суму ис хоромами, а попу тому зостался за сорокоуст, подчас Дрижиполского року; которий тот пляцъ продал был Анъдре Муръмарченку зостался по родичах. Теди пожившы час який, або и килка лѣтъ, продал Карпу Прасолу, а Каръпъ писару Микчасу, а в писара купил Паръхом небожчикъ, за що позосталие сини его реченние тимъ ся контентовали, на чомъ застали отцевщину. Теды помененний Каръмазенко изъ жоною своею перечувъши от людей зацних, же болшъ его грунту мѣло быти, доходил своего и призвавъши до нас враду становил свѣдки, Конона Прасола у Каръпа также Прасола, которие признавали, по якую межу тот грунтъ зоставал. Щежъ на томъ Пархоменки не контентуючися, ставили своѣ свѣдъки, за що мѣлъ туръбацию и Конон реченный, щожъ еще при томъ же поставившися Ониско Миневич и Анъдрий Литвин, и тиежъ признали, же слово волово на томъ была межа; иншихъ много в тожъ признавали. Которимъ свѣдетствомъ ище не контентуючися, Пархоменки давали позов на Конона за свѣдецство. Теди видечи Конон невинност свою, мусилъ копати землю, шукати межи граничноѣ; теди знашолъ стародавний погребъ, при межи зостаючий, (ко)торий копалъ Карпъ, тамъ жіючий; зачимъ ажъ му-

силъ земълею от того позву отпертис. Що мы, яко вряд углядѣвшы в самую слушност наказалисмо на тои городит, а им до згоди и до поединя прийти, щожъ такъ и стало, погодивъшися, руки подавали, же южъ един другого, сторони обѣдвѣ турбовати не повинни, такъ они сами, яко жони, дѣти и приятелѣ близкие и далекие вѣчными часы. Для правного попертя и заруку казалисмо положит на его милост пана полковника Переяславъского, талярей десят, а на нашъ вряд талярей пят. На що для лѣпшой вѣри и и певности, просили насъ, абы до книг мѣскихъ приняли и записали. Писан в ратушу Борисполскомъ року 1678, месеца декабра 11. Остафий Ващенко, писар на тот час.

123.

Грицко Остановичъ, сынъ Тихаго, а зять Товстаго, продалъ грунтъ и гай Ивану Шорсткому и Остапу Горбаню.

Року 1680 месеца ануария 8-го.

Становшы очевисто пред нами, предо мъною Лукяном Гриненком сотникомъ Борисполскимъ, Василем Москаленкомъ атаманомъ городовымъ, Григорием Березенкомъ войтомъ и при бурмистрахъ Грицку Мовчану, Евхиму Ключнику, Семену Яценъку и при товариствах изъ уряду приданых, Василю Щербаненку, Юску Поташку, Якиму Лобку и при могоричниках Грицку Онищенку, Ивану Коломийцю, Якиму Бураку и инших мищан много, чинил вѣдомо Грицъко Остапович Тихого синъ, а зят Товстого, мовячи: Пане враде! Продалемъ кгрунтъ тестювский Хвеска Товстого позосталый по смерти его гай ис сѣножатями, якъ в собѣ мает, взювъшы от самого гаю по гостинецъ Баришовский и по мочилы, или где ест кгрунътъ Богдановский або Косиполе славетнимъ пану Ивану Шорсткому и Остапу Горбаню, за готовую суму, золотыхъ двадцет личбы Литовъской; которий бы то кгрунтъ продалем доброволне на долги тестювские, нѣ от кого не намовлен, толко имъ тим кгрунтомъ продат, дароват, заминят и своим дѣтям задержат; а я такъ

самъ, жона и дѣти могъ неповинъни втручатис вѣчными часы. А хтобы мѣлъ ис приятелей близких и далекихъ в тот крунтъ впираючис доходит, я повинен отповѣдат. На що для лѣпшой вѣри и певности просили враду, абы до книгъ мѣстскихъ принято и записано, що ест и записано. Писан в ратушу Борисполской року и дня вишписаного. Звишменованный вряд Борисполский. Евстафий Василевич писар рукою.

124.

Татьяна Лесиха продала ниву Филипну, Давиденкову сыну.

Року 1682, месеца мая.

Передо мною **Хведором Хвилоновичом**, сотником Борисполским, Лукияном Гриненком атаманом городовым и при нас вуйтом Андрѣемъ Му....., Грицком Мовчаном бурмистромъ, Калеником Цѣпиком ключъником, Юском Тищенком рочними бурмистрами, и при Гапону Тарану атаману курѣнном и при Роману Рудченку и при Совѣ Мойсѣю, и при инших людех зацных, чинила вѣдомо ясне, явне, доброволне до запису, до книг мѣских Татияна Лесиха, на тот час вдовою будучи, мещанка Борисполская, мовячи: Пане враде! Продалам ниву, лежачую за мостком, межи дорогами двома к лѣсу Вернину, на гоней двое, пану Пилипу, Давиденковому сыну, за готовие гроши, золотих полчварта, свое поле власное, свекровское; волно тому Пилипу Давиденку тое поле продат, даровати и заменяти, и на свой пожиток обернувши дѣтем своим задержати; а я такъ сама, реченная Татяна, якож и дитина моя и приятелѣ моѣ не повинни втручатис вѣчными часы. На що для лѣпшои вѣри и певности просили нас, яко враду о запис, що (ест) записано. Писано в ратуши Борисполской при людне, року и дня вишей писанного. Роман Стефанович писар козацъкий, рукою.

125.

Катря Мухомориха продала свой дворъ Хведору Ивановичу.

Року 1682, месеца мая дня 6-го.

Пред нами, предо мъя Василемъ Москаленкомъ сотникомъ наказнымъ, Давидомъ Верненкомъ атаманомъ городовымъ и за вѣдомомъ Ивана Малинъского войта, Ивана Гусака ключника ратушного и при бытности Исака Шкуръки, Ивана Шепеленка, Хвеска Безлюдного и иныхъ многихъ, чинила вѣдомо и сознала ясно, явно до книгъ мѣскихъ, мовячи: Пане враде! Я Катра Мухомориха жителка Борисполская, будучи при старости лѣтъ моихъ а позоставшися по мужу моемъ, видячи, же нѣчимь контентоватис, продаламъ дворъ свой, лежачий промежку отця Корния и Яремина ткача, за готовие гроши личъби литовскои, пану Хведору Ивановичу (за) золотих пятнадцат; от которого двора отдаливъши себе самою и сыновъ моих Семена и Гаврила, и Ивана, приятелей наших близких и далеких на вичност; волно пану Хведору Ивановичу в том дворѣ будинокъ становити, жити, продати, даровати и заменяти, и на свой пожиток дитем своим задержати. О що просилам, яко вряду, абы до книг миских Борисполских принято было и записано; що и записано. Писан в ратушу Борисполском року и дня вишъ писаного, за ураду Хведора Хвилоновича, сотника Борисполского. Звышъменованный урад Борисполский. Романъ Степанович, писар козацкий.

126.

Багнюкъ оштрафованъ отнятіемъ коня за то, что шинковалъ, хотя шинковой промыселъ въ мѣстечкѣ Борисполѣ отданъ былъ въ аренду полковому переяславскому писарю Петру Максимовичу.

Року 1683, месеца мая 30 дня.

Запис до книгъ мѣскихъ Борисполскихъ. Предо мъною Хведоромъ Хвилоновичомъ сотникомъ Борисполскимъ, Давидомъ Верненкомъ атаманомъ городовымъ, Иваномъ Малинскимъ войтомъ, Иваномъ Семеновичомъ ключникомъ ратушнымъ и за вѣдомомъ такъ то-

вариства и иных, заславъши нас ясне велможний его милость панъ гетманъ универсаломъ своимъ казал всѣмъ вычитавши загрозит, бы прешкоды ани жаднои в арендѣ горѣлчаной, в которомъ панъскомъ универсалу вручено и подано в посессию его милости пану Петру Максимовичу на тотчас писару полковому Переяславскому мѣстечко наше за его власную суму до скарбу войскового отплатит; зачимъ излецивъши панъ Пѣтро, Ивану Петровичу свое такъ господарство и шапарство, приказовал, бы якъ належитъ перестерегалъ в потайныхъ шинкахъ; онъ тежъ, яко вѣрний слуга пана своего, постерегал потаемныхъ шинковъ, аже не поеднокротъ знаючи о Тимошу Багнюку, жителю нашому, же он потаемно шинки дѣет, упоминал его, мовячи: знай певне, же тебе я зъ горѣлкою шинковною поймаю; и такъ он тое легцеважачи шинковал. Для чого, яко господар тому панъскому добру, дважди поймал, от него купленую у фляшкахъ из горѣлкою людей, которие пред врядом признали от власного Багнюка купленую горѣлку ношовали. Теди мы, врадъ, видечи, же тот Багнюк воли панской противен, казалисмо по указу пана писара полкового, взявъши коня сивого отдат; на що панъ писар, яко ласкавый пан, взял того коня, що напил был Багнюк в ворендѣ талярей два, а до того що ему перешкоду дѣялъ в ворендѣ, а що болшого, такъ казали и худобою подаровавъши, казал для лѣпшой вѣри и правного попартя в книги мѣские записат, що ест и записано. Писано в ратуши Борисполской, року и дня вишписанного.

127.

Раздѣлъ гая между Дудорковскими жителями братьями Осѣмъ и Гришкомъ Корніенками и сестрою ихъ Хвесею, причемъ сотникъ взялъ клинокъ гая въ поссессію.

Року тисеча шестсот осемдесят пятого месеца генъвара 26 дня.

Ставши перед мене Хведора Хвилоновича сотника Бориспулского, Ивана Шорткого атамана городового, при товариществу

Степану Билиловцу, Василю Москаленъку и при бытности Ивана Малинского и при инших многихъ Огѣй и Гришко Корніенъки, жителѣ Дудорковъские, оповѣдали нам уряду, же ойцѣ их отходячи на он свѣтъ, не росправив сыновей своих гаями, прото мы, видячи прозбу так реченных Корніенъковъ, якожъ причину от чернъцюв свято-Троецких, бы их слушне, ведле правди святой подѣлили. Прото я вишреченый сотникъ, взявши из собою Романа Стефановича, писара козацъкого, Степана Ворочаенка, хоружого нашого, и зѣхавшы до села Дудоркова, казали тамошнимъ жителем изийтися, припитуючися, ежели свѣдоми о тих гаях; теди признали двѣ жителѣ Дудорковские, же то отец их з давных часов оными гаями владнѣл и пожитковалъ. Для чого ми, врад взявши ис собою Грицъка Тишченъка войта тамошнего, отца Романа священника, Тишка Старого и Ивана зятя его, Петра Козорѣзенъка, и Матвѣя Маняченъка, обихавшы тот гай, вдѣлили част вышпомененому Огѣю Корженъку, помежъ Олексѣя Хиленкового, а з другой стороны Панъка Черевка и помежъ Сотницкого, и подорожку, знаки поробыли; и с того тижъ гаю оддѣлили Гришку менъшему Корніенъку помѣжъ Гордѣевого по озеро и по дорогу; до того тиж Хвесѣ Корніенкѣ, сестрѣ их, дали тогож подѣлу частку гаю, помѣжъ Огѣя брата еѣ и Гордѣевого; оние зас стороны всѣ три, слушне промежку ними подѣл от нас бачачи, на томъ зостали, которому, где, вказано, и принявши из собою погоду, из доброи волѣ своей, вдѣлили мнѣ мененному сотникѣ, со всѣхъ сторон трох, прилюдне, помененых жителех Дударкувских, такъ священнику, атаману и войту Матвѣю Мулявцѣ и Тишку Старому, и при Ивану зяти Тишковомъ, и при инших в посессию, въ держане вѣчное, яко старшому своему, частку гаю тогож называемимъ Клинъкомъ. Ми тежъ, уряд, прибувши ис того села Дударкова до мѣстечка нашого, объснившы такъ товариству, казалисмо онихъ сторонъ письмомъ укопътенътовати, варуючы тепер и на потомные часы, би кождый зъ нихъ оним гаемъ частю подѣлу вольно держали, которому будетъ потреба продать и дароват и заменят, и яхъ хотя владнутъ, жонѣ и детемъ своим на вѣчност задержати; на що для лѣпшой вѣри и певности просили нас, яко

враду о запис, на що и даем при печати нашой войсковой и руцѣ писарской. Писанъ въ Борисполю, року и дня вишписаного. Григорий Талѣржевский писар мѣский рукою.

128.

Судъ надъ ворами Ониськомъ Голянкою и другими.

1686.

На враде мескомъ вратушу Борисполскомъ, пред нами перъсонами засѣлими, на тотчас будучою старшиною **Федоромъ Филоновичомъ Магировскимъ**, сотникомъ Борисполскимъ, Конономъ Сеничомъ наказнымъ сотникомъ, Иваномъ Горкуномъ атаманомъ городовымъ, Хведоромъ Проскурнею войтомъ, Иовомъ Карпенкомъ бурмистромъ, Гарасимомъ Шевцемъ ключникомъ, едностайне въ лавѣ засѣдаючимъ рочными бурмистрами, а при насъ обополныхъ сторонъ зацне славетных товариствi и мѣщанъ именъно тут написаныхъ: Васил Москалъ, Степану Бублику, Ивану Сахненку, Микитѣ Леенѣньку, Роману Павлюченъку, Сидору Коваленъку, Евхиму Игнатенъку, Ивану Безбородченъку, Миску Копилу, Стефану Волочаю, Стефану Билиловцю, Микитѣ возному, Ивану Колѣнъку, Ивану Куранъдѣ, Каленику Просолу, и мещанахъ Павлу Пятнику, Хведору Курандѣ, Каленику Прасоловому зятю, Пархому Первушу, Степану Исаенъку, Ивану Исаенъку, Ивану Гусаку, Гаврилу Клименъку, Гаврилу Мухомору и многихъ персонъ зацныхъ и вѣри годныхъ людях радилисмос еднокупне, яковымъ кшталтомъ из проступъными а явъными злочинцами, о нимъ за ихъ расколъ вчинити кару. А же всѣ еднокупно, такъ товариство, якожъ мещане изговорили, мовячи до насъ враду: покы тимъ злочинъцюмъ сидячимъ держати ихъ сторожею, бавите мещанъ и приклади свѣчками на каждую ночь свѣтячы, тратити мѣские гроши, на которыхъ вже коштовало золотых болшъ десятка. Прото мы, врядъ, выслухавъшы пораду еднополную казалисмо одозватис тимъ, в которыхъ шъкоду и крадецство починили злочинъци; овожъ тие, ани один изъ них до нас враду на судъ скаръги не уносили, на очевистое людъского

всего народу и въизду нашого на торгъ пятничный тихъ злочинъцовъ слузѣ мѣскому казали до прингеля дати и питати, в кого зломислнымъ своимъ злодѣйскимъ способомъ, кому шкоды починили, призналъ Ониско Голянка злодѣй: мы, кажет, вкрали изъ Михалемъ Збегълымъ кобылу в . . . . . Борисполского и продали в Фастове за золотыхъ осмъ: и знову в Ковбасенка вкрали кожуховъ два в окъно вытягши и продали барзо за малие гроши на пристани Киевъской, съ тымъ же и ярмолукъ ис тымижъ кожухами; воловъ три тожъ Голюнка признал, же вкрали на Груздовъцы ис Коротенъкомъ Иевдоховыхъ два и Пѣтакового едного; всѣ тие в Киеви продали из Коротенъкомъ, в Киевѣ платье музское—изъ Жабским; тежъ признался Голюнка, же по крали в Колѣнка и в Яцути, ищо тожъ в Гордѣя свиту вкрали и пироги ис погреба, то все из Жабским; а особливе Жабский овичку вкралъ у Верценка; а грошей вкралъ полчварта ста золотыхъ у своего шурына коваля; и многие пакости людям чинили. Про що за всѣ ихъ проступъства казали мѣскому слузѣ волати по мѣсту, бы кождый, коли крывъда сталас, впоминалис и инстикговали на тихъ злочинцовъ; теди ани единъ изъ них не инстикговалъ и на смертъ ихъ и на душу не вотовали, тилко водле кари казали ихъ впродъ привязавъшы публичне соцкому бити, и од чести людской отлучити. Аже увес народ на оних молодыхъ злочинцовъ, стали говорити, такъ станы старие и середъние, якожъ и меншие, бы були пущини на покаяние, мовячи, ежели послѣ сего не покаются на своихъ головахъ отнесутъ изгибелъ, понѣважъ нихто на ихъ не инстикгуетъ, еднакъ карани и быти пред слугу мѣского посторонками, из мѣста преч выбитие и вигнание зостали, пригрозивъши кождому из мешканцовъ нашихъ и еден, не тилько ис принятеловъ и кревънихъ ихъ не держали и не приймовали въ доми, але и кождому приказали, бы сусѣдъ сусѣда престерегалъ, такихъ зломыслъных надъзвычай преступцовъ и злодѣевъ не держати, але цѣле и в уизду нашомъ и по селахъ не мѣти и не приймовати. Тое ихъ злодѣяние документомъ выписавъши до книгъ мѣскихъ вписати писарови нашому приказали. Писано в ратушу мѣскомъ року 1686, месеца июня 15 дня.

129.

Священникъ церкви Рождества Богородицы Іоаннъ продалъ свой домъ священнику церкви Свв. Бориса и Глѣба Григорію Евфиміевичу.

Року тисяча шестсот осмдесят сомого месяца февраля дня девятогонадцат.

Передо мною Федоромъ Филоновичом сотником Борисполским, Лукияном Гриненком атаманом городовим и при нас будучи товариства Иванъ Шорсткий, Васил Москал, Гапон Таран, Давиду Верненку и инших много, так тежъ и при урадѣ мѣскомъ в ратуши засѣдлом, Ивану Малинском вуйту и при немъ будучихъ бурмистровъ Пилипу Груздовъскому, Ивану ключнику ратушному, Прокопу Ехименку и иншим разним людем при томъ ни урати засилихъ нижей подписаних, чинилъ оповедъ ясне, явне и доброволне тепер и на потомние часы священно иерей Иванъ презвѣтер храму Рожества Пресвятои Богородицы, въ таковый способъ, мовячи: Пане враде! продалемъ домъ мой власный, никому не заведенний и не пенний, на предмѣстю, за брамою Киевскою стоячий, з однои стороні, помѣжний Федор Куранда, з другои стороны Матвѣй Ткач и по дорожку, которая лежит на Груздовку прозываемую улицу; а тотъ думъ зо всѣмъ тим кгрунтомъ и будинкомъ, якъ (ся) в себѣ маетъ, священному іерею Григорию Евфимиевичу презвѣтеру церкви святихъ страстотерпцовъ Бориса и Глѣба, за готовую суму золотых иятдесят, монети доброй, отдаючи оному, вѣчне тимъ домом владнут, якото своим власным, волно теж ему запродавати и вѣчне продати, любо даровати, албо съ ким заменяти и якъ хотѣти, ведлуг умыслу своего на пожитокъ свой оборочати, жонѣ своей и дѣтом своим задержати, тежъ варую и вѣчне записую, аби священному иерею Григорию въ его власном дому зо всѣмъ его будинком, нихто жадноѣ перешкоди и утиску не важилсе чинити, яко не повиненъ я, ани жона моя, анѣ потомокъ мой, такъ тежъ кревние моѣ, близкие и далекие, сикцессий собѣ жадных вынаходити. Давши тежъ волю до всего того кгрунту з будинкомъ на немъ стоячимъ от мене

священно-иерея Иоана Василиевича проданного священно-иерею Григорию Евфимиевичу симъ записом при урадѣ мѣском отвержаю и вѣчные записую, що я просилем уряду, жебы было и до книг мѣских записано—що есть и записано. А священно-иерею Григорию, даю сей мой выпис врадовне, выписавшы съ книгъ перед урадом вышописанном, при печати мѣской и козацкой и руцѣ писарской. Писан въ ратуши Борисполской року и дня пышъописанного. Роман Стефановичъ писаръ козацкий Борисполский.—Тут тежъ устне прошоние мещане о подпис своихъ рукъ, Андрий Борсук, Стецко Исаенко, Каленик Прасолов зят, Панъко Киселювъ зят, Левко Олексѣенко, Стецко Якименко, Омелько Ковбаса, имена свои подписали, будучи при томъ записѣ.

130.

Духовное завѣщаніе Варвары Микитихы Зѣньчихи.

1687 сентября 28-го.

Во имя Отца и Сына и (Духа) Святого Аминь.

Я, раба Божия Варвара Микитиха Зѣнъчиха, чиню вѣдомо сымъ моим тестаментомъ, такъ стану свѣцкого и духовного, ижъ длуговъ жаднихъ по собѣ не зоставляю. Напрод вручаю душу мою Господу Богу а тѣло землѣ, которое мает бити поховано ведле звичаю християнъского при храмѣ святыхъ князей роскихъ Бориса и Глѣба, при том роспаражаю дѣти своего першого мужа Яцка, Василя и Кирила, повеважъ жиючи я ис вторым мужем симъ Микитою лѣтъ больш тридцати, теди угледѣвши, мужъ мой Микита на лѣта ихъ двоихъ пожениви и подѣлъ промежку ихъ учинилъ прилюдне, при Миску Верненъку и Хомѣ Верненку от их рукъ, а од руки мужа моего пры Гордѣю ктитору Борисоглѣбскому, далъ имъ на всѣхъ трохъ воловъ два, коровы двѣ, а що за их отцевщини зоставало грошей готових, отдал золотих полчвартанадцетъ, Кирѣю не жонатому дал на жупанъ золотих десет и жита копъ десет, томужъ дал свиней двое и курту шептуровую мене матки их

оних до себе взяли, проте отдѣливши мужъ мой ихъ сынов моих, волнимъ зостает, не повинъни позосталие дѣти мои мужа моего, кождый из них турбовати и слова моего касовати, костей моих порушати. А который бы мѣлъ, любъ из синовъ моих, албо ис кревних наших, слова моего касовати и кости мои порушати, такового буду на страшный судъ Божий позывати. На щом упросила от Филоновича сотника на тот час Ивана Шорсткого атамана городового, писара мѣсцкого, который писалъ при отцу Матвѣю священнику Святониколскому и при Ивану Самуйленку, Яцку Цибару, Василию Ярмоленъку, при печати, туюжъ душеотходницу для далшого часу вѣри данъня, (аби) вписали въ книги мѣсткие ратушние. За упрошеньемъ врадъ, **Ивана Шорсткого** на тотчасъ **сотника,** Григория Кириченка атамана городового, и за Прокопия Рубашного войта, Стецъка Саенъка, Мартина Чурака, Ивана Безлюди ключника, за рочних бурмистровъ и при людях инших зацних и вѣры годних, при Гордѣю ктитору, Борисоглѣбскому, Ваську Сугоняцѣ и при Григорию Голубничомъ устне запрошоными въ ратушу для записанъя, що ест и записано септевра 28, 1687 року

Писар Григорий Миколаевич рукою власною

131.

Мартинъ Нестеренко продалъ грунтъ въ Кучаковѣ и три нивы подъ Лебединомъ Алексѣю Скорику и огородъ въ Кучаковѣ Андрею Бабиченку.

Року 1688, месяца мая 9 дня.

За враду сотництва Ивана Шорстъкого, на тотчас сотника Барышполского, Гордѣя Ковалювского атамана городового, а перед мене Стецка Исаенъка войта, Евлаха Груздувского, Тараса Дужченъка Полуляховского, Ивана Безлюди ключника ратушного рочных бурмистровъ, и при мещанех Петру Юсковичу Скабѣенку и Гнату Романовичу Мовчаненку и Пархому Вовку, Леску Долѣ, Тарасу Верещацѣ, на тотчас въ ратуши мѣской засѣдлыми будучы. Приходили перед нас врадъ, стороны, Алексѣй Скориченъко да Андрѣй

Бабиченко, жителѣ Баришполъские, една сторона, а другая сторона Мартинъ Нестеренъко втожъ мешканецъ Баришполский, который мѣючи грунтъ свой по змерломъ родичу своем (мат)чиного племя дядковский, лежачий въ селѣ Кучаковѣ ему власне належитый помѣжъ Романа Слусара зъ едной стороны, а з другой—помѣжъ садки, и который то огород из трома нивами подъ Лебединъ лежачими, продал реченому Алексѣеви Скорикови за первую суму, зазолотих тринадцеть и за шест грошей монетою готовою доброю, а другий огород продал из займищемъ Андрѣю Бабиченъку [1]) за золотихъ вусѣмъ. Теды нас, яко враду обѣдвѣ сторони просили до кънигъ мѣских о запис; аже мы, видячи помененую того Мартина добровольную продажу, а другой сторони скутечную куплю, казалисмо до книгъ мѣскихъ записати. Дѣялося звишмененого року и дня.

Григори Михайловичъ писар мѣсткий рукою.

132.

Судъ надъ ворами Петромъ Тарасенкомъ, Конономъ Космаченкомъ и другими.

1696.

На врядѣ мѣскомъ в ратушу Борисполскомъ, предъ нами врадомъ, Феодоромъ Магировъскимъ сотникомъ на тотчас будучим, Микитою Левоненъкомъ атаманомъ городовымъ, Тарасомъ Власенком войтомъ, Иваномъ Темеренкомъ бурмистромъ, Иваномъ Курандою ключникомъ ратушнымъ, и при нас зостаючихъ на тотчас засѣлих в ратушу, Иване Сахненъку, Павлу Яковенку, Хведору Найдюшку и Панасу Захарченку, Матвѣю Проценъку, Гришку, Хомѣ Прожейку атаманѣ курѣнъном, для прислуючихъся права и при товариству Василю Москалю, Гапону Тарану, Сидору Коваленку, Каленику Левченъку и при многихъ такъ товариства и мещанъ, (яко и иных людей

[1]) До сихъ поръ одно урочище въ Кучаковскомъ лѣсу носитъ названіе „Бабичевой Дубинкѣ“.

зацных), ставъши передъ суд наш Васил Налуйченко, Иванъ Колѣнъко и всѣ зацние товариство скаржилися на пойманихъ злочинцовъ, которыхъ изъ лицемъ ознаймовали, и же в нихъ двохъ домохъ, из вовъторка на середу, комори повикрадали, такъ збожа, сала и инъшие хванъти, и що могли тамъ захватили, которих на ймя доводемъ слушнымъ еще без жаднои кари выпитовали. Признался напрод Петро Тарасенко, же они якъ би два ходили до Василя Налуйченка изъ Конономъ Костюченъком красти и тамъ побрали такъ збоже, якожъ сало, которое тоижъ ночи, отнюс до Василя Дудъченъка в домовку тому перший доводъ, якъ знайшли впродъ нушкомъ збоже в загатахъ [1]), такъ в Горькуновихъ, яко жъ пшено в Щегловѣ и полотъни, тогди вже тому признавъшися тот Петро Тарасенко, якожъ и Кононъ Костюченъко, же тоижъ ночи з ними ходили и Лаврѣнъ Лотота и Василъ Дудъченко, всѣ чотири разомъ, такъ до Налуйченка, якожъ и до Колченъка, Тогди наочне сказалъ Петро на брата Лаврѣна Тарасенъка: „чого вже маем таитися“, а Кононъ на Дудъченка тожъ посвѣдчилъ, же всѣ чотыри тоей ночи крали. Которихъ взглянувъши ис саксона на онихъ злочинцов, якои достойни кари, тоди згди казали впродъ слузѣ мѣскому поблице [2]) на мѣстѣ ихъ бити поврозами; тогди всѣ чотири злочинци висвѣдчаючы еден на другого, признались, якъ ходили першъ до Налуйченка, тамъ Кононъ Костюченъко продравъшы стрѣху, намъ тромъ выдавалъ, такъ збоже, сало, полотъно и що моглъ занять и во тъми покравъши, иншие позагатахъ збоже поховали были, мало взявъшы из собою; пришовъшы до Колѣнъка, тамъ у комору впершися, тожъ сала покрали и иншіе разѣ, которимъ всѣ чотыри злочинъци признались, же тие сала всѣ три, такъ Колѣнъково, якожъ Налуйченково отнесли до Тарасова сына Василя, еднакъже Налуйкового сала дошукавшис, изнайшлось в дому Тараса Дудъченка, которое самъ онъ Тарасъ Дудъченко своими руками далъ с своей комори Налуйченково сало, а тихъ двохъ Колѣнъко-

[1]) Загатой называется около Борисполя огорожа, устроенная изъ соломы, поддерживаемой кольями.

[2]) Publice.

вых не могль дошукатис и винайти. Прото тихъ злочинцовъ всѣхъ чотирохъ, кгди слуга мѣский бючи поврозомъ през мѣсто до стовпа привязавъшы, ведле права, якъ в саксонѣ посвѣдчаетъ, казалисмо онихъ злочинъцовъ отдаливъши от места сродзе бить и нещадъно карат. Тогди оние злочинци в сему злому своему учинку признались, не тилко сегорочному, а бо тилко що в сихъ двохъ персонъ покрали, але еще и що прошлого року шкоди тежъ в Колѣнъка сала покрали, якожъ в купцовъ Виницкихъ сливи сухие и иные овощи, всему тому злому своему вчинку явъному, злодѣйскому вчинку, признались. За що на голоси люду посполитого, всенародъного, казали онихъ слузѣ мѣскому крѣпко выбити изъ мѣста, и оголосити, жеби нихто не важилъся такихъ злодѣевъ до домовъ приймовати и в мѣстѣ их не держати; а их жилища то ест домовки, росхитити и роскидати, бы не мѣли нигде пристанища и прибѣжища, яко злиѣ и небоячиеся Господа Бога проступъци. А онимъ персонамъ, такъ Ивану Колѣнъку, взираючи на ихъ згубу од тихъ злочинъцовъ наказалисмо позосталимъ родителемъ нагородить, що не могли чого добра ихъ дошукатис; якож и Налуйченку, що оние были незбожние злочинци покрали, все свое доброе побрати, а чого не винашлос тихъ нагородити. Которихъ злочинцовъ виволавъши из мѣста казалисмо все достовѣрно виписавъши, до книгъ мѣскихъ чорныхъ вписати. Писано в ратушу Борисполскомъ року 1696, месеца априля 27 дня.

А на потомъ по виписаномъ правѣ, призналъ Конон Костючокъ, же всѣ чотири крали тие комори, такъ в Налуйка, якожъ и в Колѣнъка сала покравъшы отнесли до Тараса Дудъченка изъ синомъ его Василем, еднакъ Налуйково винашли и самъ Тарасъ Дудъка своими руками видалъ с комори своей тое сало Налуйково, а Колѣнъкового не сказалъ.

За которие сала Колѣнъку казалисмо мы, врадъ, Костючковъ двуръ изъ огородомъ аристовать, нимъ за его сало улстится тот Костючокъ. Тут же выражал на том контентъ Колѣнъко.

133.

Иванъ Личенко зарѣзалъ быка у Сеньковскаго жителя Цыбули.

Року 1697 месеца июля 26 дня.

Пред нами врадомъ на тот час будучим **Миколаем Корабаномъ** сотникомъ наказнимъ, Василем Москалемъ атаманомъ городовим, и при бытности Грицка Онисименка бурмистра, Процика Евхименка ключника ратушного и при товаристви Грицку атаману курѣнному сотницкому Роману Павленъку, Василю Колѣнъку, Хведору Бубну, Трохиму Гриценку, Грицку Головцѣ, Грицку Вакуленку и при Стецку Билиловцю, Гарасиму Костанцю, Иовѣ Карпенку, Богдану Якубенку и при многих зостаючихъ зацнихъ людех, позов давал Иванъ Цибуля жител Сенковский за своего быка на Личенка Исая, овъчара, же его быка гнал из овечками своими до футора, де по (?) на его слѣду того быка знайшол. Прото мы врадъ доволне доходячи по жалобѣ его, казали становити свѣдка, которого поставил Бублика; ставши очевисто Тимошъ Бубликъ признал под сумленемъ души своей, мовечи: Пане враде! мы там поблизу орали при футори где тие изгони пасут, ажъ над вечеръ гналъ Исай Личенко быка полового из своими овечками до футора; аже на потомъ тен Иван жител Сенковский приходил нас же пытати такого быка; мы сказали, же такого быка гнал з овечками Личенко. Тогди тот Иванъ Цибуля, приихавъшы самотрет изъ чередникомъ и пастухомъ питалис Исая Личенка, где той быкъ подѣлся, що ти гналъ з овечками до футора? тохди он сказалъ, що звѣръ изъилъ того быка, и привюл их до падла, ажъ того быка задъ увес обълуплен, да стегна поотрѣзовано, а перед не луплен. Про то тот Цибула изъ тими чередникомъ и пастухомъ для свѣдецтва скуру тую взяли и до нас привезли до враду, которой огледали прилюдъне килкакротне, ажъ немал того быка звѣръ моглъ погубит, тилко рѣзъ, бо и телбуги снайдени цѣлие у водѣ близъ падла. Овожъ гди конъчилос право, знову тотже Тимуш Бублик на очевисто ув очи Личенку говорил: „От ти кажешъ, же своего гнал быка, да твуй гнидый и менший, а се половый и болший“,

и розгорнувъши скуру: „От се власний Цибулин был быкъ". Прето мы взявъшы пораду своимъ при нас будучим товариствомъ, высилали Романа Павленъка и Храпъка, и тамъ вызнали пастухи и чередъникъ, и стадникъ, же то падло бачили, задъ без шкури взято, а перед зовсѣмъ из шкурою лежал, а телбухи окроме у воде; не звѣръ изъилъ, тилко сколото, до мяса задъ взято, которое близко футора и зостал, где лиг . . . . . всѣхъ тихъ сторон документомъ виведъшы не могли на Личенку лиця явного, которому любо не знайшли лиця, ведле доводу, же он того быка гналъ, на его слѣду падло рѣзаное знайшли, наказали правомъ нашим, бы того Цибулю погодил. Прото тот Иван Личенко заплативъшы Цобули быка вовсемъ мусилъ просити, яко могучи, и погодивъшы примежку собою. вѣчисте поедналисъ. Теди мы врадъ, вислухавъшы, ведле правъды обоих сторонъ, прикривъшыся декретомъ нашимъ, казали писарови нашому записат. Писано в ратушу Борисполскомъ, року и дня вишъписаного.

134.

Судъ надъ двумя Василями (зять Дирявощоковъ и зять Левковъ), обокравшими хлѣбную яму у дочери Косинскаго Марьи.

В року 1697, месеца марта 15 дня.

Предъ нами урадом Борисполскимъ Феодоромъ Магировскимъ сотником, Микитою Лево(не)нкомъ атаманомъ городовимъ, Гавриломъ Клименкомъ войтомъ, Иваномъ Курандою ключникомъ, приходилъ жаловатис Косинский старый из дочкою своею Марею Острилихою вдовою, в которой покрадено жито изъ ямы, которая была в хлевѣ исхована и освѣдчили намъ враду, же молотили з молотъники в неѣ, Мари, зяти Левъков ктитора Михайловъского из зятемъ Диравощокого, обадва на имя Васѣли, мовячи, же тие тилко знали, же вона в тую яму змолотивъши сыпала; тогди мы врадъ на жалобу Косинского з дочкою его, посылали есаулъчиков нашихъ и придавъшы посторонного наших товаришов, бы ихъ, Левъка двуръ

истресли; которие пойшовъшы до Левъка знайшли лице, покраденое жито, такъ на городѣ, яко и в сѣнъцяхъ; которихъ тихъ злочинъцовъ обохъ, гди приведено предъ врядъ наш до ратуши, доброволъне признались, без кари будучи, же тот Диравощоков зятъ Василь, в ночѣ откопал яму, а откопавъши, пришовъши сказал тожъ Василю, зятю Левъковому и Левъку своему господару; теди они всѣ три поймавши злодѣйскимъ способомъ тое жито, колко было в тий ямци, выкрали и переносили до Левъка; который тожъ признался Левъко, же з ними ходил вкупѣ и крали заедъно в ночѣ. За которое ихъ явъное злодѣйство, ведле саксону глядячи, ведле права святого, же побоимъ не признались, тилко першъ впали в явъное злодѣиство, казалисмо слузѣ мѣскому тихъ злочинцовъ до стовъпа привязавъшы, публице, на мѣстѣ, поврозами през слугу мѣского бити, питаючися шкодъ болшъ; тогди болъши не признались, кроми того жита, же в дочки Косинского покрали; которыхъ достатечъне слуга мѣский бючи в стовъпа якъ потреба было, яко явъныхъ злочинъцовъ, отдаливъши ихъ отъ чести казали публице всего мира из мѣста вигнати; а вигнавъшы приказали кождому з народу жителей наших в мѣсти не приймоват, и на фолъваркахъ не держатъ, яко доводныхъ, явныхъ злочиньцовъ. А виволавъшы ихъ з мѣста, казали (т)ихъ злочинъцовъ до книгъ мѣскихъ чорнихъ записат, що и записано.—Писано в ратушу Борисполскомъ року и дня вишъписаного.

135.

Судъ надъ ворами Грицкомъ Жигалкою и другими.

Року тисеча шестсот деветдесят осмого ноеврия месяця во ден пятый.

По росказаню его царского пресвѣтлого величества войска запорозского полковника Переяславъского Ивана Мировича, будучи мы висланые Василей Барановский а Константин Яскович Следъзинский, сполне изъ урадомъ мѣскимъ Феодоромъ Магировскимъ

сотникомъ на тотчас будучимъ а Микитою Левоненъкомъ атаманомъ городовымъ, из Гавриломъ Клименкомъ войтомъ и Богданомъ Якубенъком бурмистромъ, засѣдлисмо на справу злодѣевъ оказавъшихся жителей Борисполскихъ; о чомъ кгди учинилисмо инъквизицию, теди явъно оказалося на Грицка Жигалченка, же украл пару волувъ в Березанѣ, а продалъ в Киевѣ, о чомъ и отецъ его зналъ, Иванъ Жигалка, жиючи изъ сыномъ въ еднои хатѣ. За якое дѣло злочинное правомъ нашимъ полковимъ, з мѣста росказалисмо Грицка вигнати катови, давши кару, а отця, Ивана Жигалъку, на худобѣ з увагою каралисмо, же сына своего не учил. На томже мѣсцю и тогож часу выводилисмо инквизицию, мы всѣ вишъописаные висланные и уряд мѣский о злодѣя Ивана Миколаенъка и на Павла брата его, якие вкупѣ жили и въ едной хатѣ; теды на Ивана Миколаенъка оказалося скутечне и певъне всѣмъ въявъ, же украл коня цыганского и продалъ подданному Видубицкого монастыря, и того коня циганъского познал и на правѣ нашом инстинкговал на Ивана, о чомъ и Павло знаючи, еднакимже оказалъся, яко и братъ его, злодѣемъ; бо у Павла, на ярмарку тутже Борисполскомъ, Кузма Братченко, ковал, чоловикъ честный, познал власную свою шкапу, якая шкапа и пропала в рукахъ москалей, цале па вѣки, бо он Павел з москалями держалъ переводъню купно кунми миняючи; якимъ дѣломъ и торгомъ минялницкимъ они сами сказали же бавятся давно. Прото мы врадъ, ведлуг права святого росказалисмо, абы Павло вины злодѣйские на его милост пана полковника отдал копъ три; якую вину отибравшы не каралисмо болшей, тилко вязенемъ, а брата его Ивана из мѣста, посполу з Грицкомъ Жигалъкою обнажонихъ з мѣста катъ выгнал, выбивъшы у принкгера. Для чего до сихъ книг чорънихъ мѣскихъ доводне всѣхъ чотирох злочинцов уписавъши для снадънейшого увѣдомленя до всякого права и суду, як того укажетъ потреба, симъ нашимъ згоднымъ, всѣхъ нас, вишей описаных особъ декретомъ узнаемъ. Дѣялося в ратуши Барышполскомъ року, месяця и дня вишей писаного.

136.

Судъ надъ ворами Максимомъ Скуберенкомъ и другими.

Року 1698 месеца декавра 21.

Предъ нами врадомъ Хведоромъ Магировъскимъ сотникомъ Борисполскимъ, Микитою Левоненъкомъ атаманомъ городовымъ, Гавриломъ Клименъкомъ войтомъ, Богданомъ Якубенкомъ бурмистром Иваномъ Курандою ключникомъ ратушнымъ и при нас на тотчас будучих на судѣ, Григорию Гордѣненъку, Ивану Сахненъку, Павлу Яковенъку, Гришку Захарченъку, а Панасу Рудковому, Назару Тимушенъку, Хведору Бубну, Илъи Храпченъку товариству, а при мещанахъ Яцку Литовъцу, Стецку Исаенку, Процику Евхименъку и при многихъ на тот час зостаючихъ, доводъ слушный и явъное показалос злодѣйство на Максима Скуберенка и на Юрка сусѣда его, иже запомнѣвши Господа Бога и боязни его святой ис порады дъяволскои кусилис в ночѣ пошовшы до Гната Рабченка, мещанина, покрали гречку ис куфи болшъ нежели осмачокъ три, подчас дорожнети, о которой слѣдомъ дошли на тихъ злочинцяхъ, которие тие злочинци и сами на собѣ явъно своему явному злодѣйству признались, же ни от кого не научени, а тилко сами на тое кусилис, аже за их злодѣйский проступокъ читали взгляду ис саксона, такъ описуетъ: ежели за першое проступъство саксонъ описуетъ поврозами привязавъшы до слупа, выбить из мѣста, яко злочинъцу вигнатъ, бы ихъ злие непорадки от ихъ не дѣялос, которих слузѣ мѣскому казали бити без фолкги карати; а ихъ явъный проступокъ записат и до книгъ чорныхъ, як злочинцовъ записат. Писано в ратуши Борисполскомъ року и дня вишъписаного.

Тотже Максимъ Скуберенко, же такъ его за гречку карали, знову призналъся своему явъному злодѣйству же покрал пчоли в Яцути Грицка, и многие пакости людем Борисполцом де що в кого на . . ча крадено. Тогди всѣ народи на его голосами мовили, бы

такого злого и явъного злочинъцю и признавъцю не держали в мѣстѣ, але жилищо его на старшину взяти, бы тамъ болшъ жиючи, не чинил шкод народу. Видячи мы врядъ на такъ народъное жаданне приказалисмо не щадячи сго, такъ проч из мѣста слузѣ мѣскому вигнати, бы южъ и не звался призванцемъ Борисполскимъ.

Приложеніе.

Konia.

Zygmunth III

z Bożey łaski król Połski Wielkię Xiąże litewskie, Ruskie, Pruskie, Mazowieckie, Zmądskie, Inflamskie, y Swedski, Gotski, Vandalski dziedziczny król. Oznaymuiemy tim listem naszym, wszem wobecz y każdemu zosobna komu to wiedzieć należy, isz my za prszyczyną niektórych PP. Rad naszych, imieniem Wielmożney Zophiey . . . . . Wielmożnego niegdy Jana Daniłowycza, Woiewody Ruskiego, małżonki pozostałey, donas na seymie terazniey-szem . . . . . chcąc, aby miasteczko iey Dziedziczne Baryszpol nazwane prszez niegdy Wielmożnego Stanisława Żołkiewskiego . . . . rza y Hetmana koronnego oyca swego założone w woiewodztwie kijowskim leżacze dla dostatków y pożytków . . . . . sć y w nich pomnożenie brać mogle, pozwolamy miasteczku temu, aby wnim targy wkażdym tegodniu wponiedziałok . . . . czwartek, a iarmarki wkażdym roku na swięta ruskie, pierwszy na Wodochryszcze, drugy na Ilia, według . . . . . ruskiego prszypadaiącze wiecznemy czasy odprawowane były, iednak bez szkody y ublizenia ynszych . . . . . miasteczek temu prszyległych. Na które targy y iarmarki ludziom którego kolwiek stanu y condiciey bedączy . . . . . i onego miasteczka Baryszpola zewszystkiemy handlamy towarami y rzeczami iakiemi kolwiek wol . . . . ę prszyiezdzać y tam biespiecznie y spokoynie każdému kupować, prszedawać, towary zatowary zamienia . . . . . ystkie potrszeby bezżadney prszesz-

kody y zatrudnienia odprawować. Dla tego wszysci ci którzy do tego . . . . zka na targy y iarmarki przyiezdżać, y stamtąd odiezdzać będą, takiego bespieczenstwa iakiego wszys . . . . . zagleitem naszym wobronie naszey bedączy zażywaio zażywać, zana byle iaczy nie byli, których prawo pospolite prszywiliowane wiecznemi czasy, którzy między dobremi ludzmi mieysca mieć niemogo. Naco dla lepszey wiary ręko się naszo podpisawszy pieczeć wielką koronną prszyłożyć roskazaliśmy. Dan w Warszawie na Seymie wielkim koronnym dnia XXVII miesiąca stycznia roku panskiego MDCXXIX panowania krolewstw naszych polskiego XXXXII Swedskiegu XXXVI roku.

Sigismundus Rex Pavlus Koludzki.

Мѣсто печати кролевской на шнуре шелковомъ приложеной въ кришкѣ желѣзной.

Сподлинного сводилъ козакъ и житель Борисполскій Гаврило Лукіановъ сынъ Храпченковъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

„Кіевская Старина“ выходитъ въ 1892 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Продолжается подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1892 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала **„Кіевская Старина“**, Кузнечная, № 14.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 и 1891 по **8 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **10 р.** При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—91 г. по **1 р.**

Здѣсь же продаются чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца кн. I—V.

Издатель **К. М. Гамалѣй.** За редактора **Е. Кивлицкій.**